

Поезд теней

Пролог

Когда я заметила пожар, смотреть было уже не на что. Там и до пожара стояла лишь крошечная сараюха для лопат и прочего инструмента — наверное, метр на два, не больше. А сейчас она уже догорала, последними огненными рывками пытаясь дотянуться то до сосен, то до Катьки, которая всё никак не могла запустить огнетушитель.

— Зачётно польхает! — Лысый заворожённо смотрел на огонь, я буквально видела язычки пламени в его глазах.

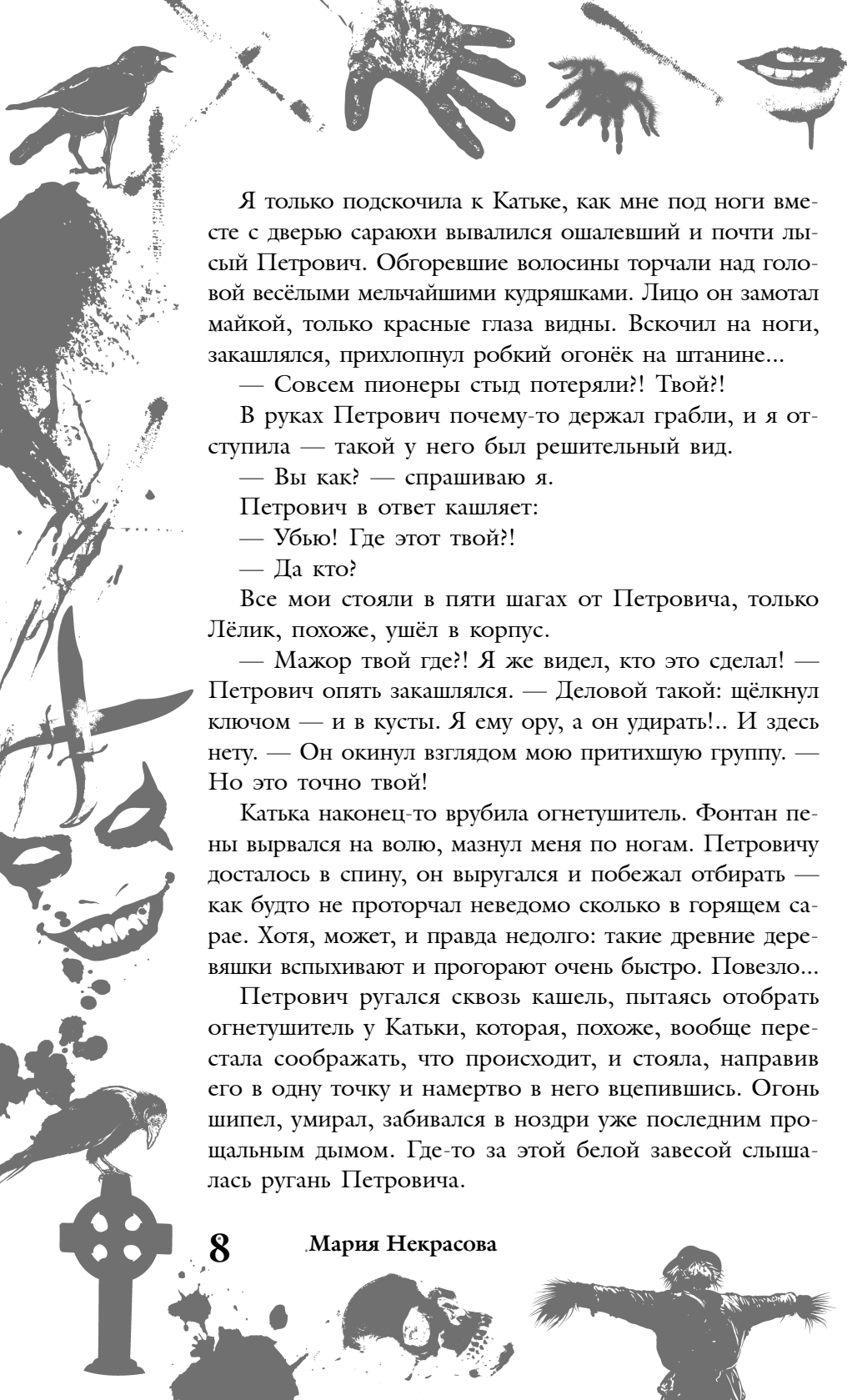
— Ничего особенного.

У Семькиной всегда ничего особенного.

— Так, посмотрели — марш в корпус! Давайте-давайте отсюда! — Не хватало ещё, чтобы они у меня угорели. Я развернулась, чтобы увести детей, и они даже сделали несколько шагов в нужную сторону, но за спиной у меня что-то грохнуло, и за шиворот прилетел сноп искр.

Крыша. Теперь она лежала под сараем аккуратной кучкой горелых досок. Доски хрустели под огнём, от сарая летели искры, дверь и навесной замок на ней ходили ходуном, как будто кто-то ломился изнутри!

— Кыш в корпус, кому сказала!

Я только подскочила к Катьке, как мне под ноги вместе с дверью сараюхи вывалился ошалевший и почти лысый Петрович. Обгоревшие волосины торчали над головой весёлыми мельчайшими кудряшками. Лицо он замотал майкой, только красные глаза видны. Вскочил на ноги, закашлялся, прихлопнул робкий огонёк на штанине...

— Совсем пионеры стыд потеряли?! Твой?!

В руках Петрович почему-то держал грабли, и я отступила — такой у него был решительный вид.

— Вы как? — спрашиваю я.

Петрович в ответ кашляет:

— Убью! Где этот твой?!

— Да кто?

Все мои стояли в пяти шагах от Петровича, только Лёлик, похоже, ушёл в корпус.

— Мажор твой где?! Я же видел, кто это сделал! — Петрович опять закашлялся. — Деловой такой: щёлкнул ключом — и в кусты. Я ему ору, а он удирать!.. И здесь нету. — Он окинул взглядом мою притихшую группу. — Но это точно твой!

Катька наконец-то врубила огнетушитель. Фонтан пены вырвался на волю, мазнул меня по ногам. Петровичу досталось в спину, он выругался и побежал отбирать — как будто не проторчал неведомо сколько в горящем сарае. Хотя, может, и правда недолго: такие древние деревянные вспыхивают и прогорают очень быстро. Повезло...

Петрович ругался сквозь кашель, пытаясь отобрать огнетушитель у Катьки, которая, похоже, вообще перестала соображать, что происходит, и стояла, направив его в одну точку и намертво в него вцепившись. Огонь шипел, умирал, забивался в ноздри уже последним прощальным дымом. Где-то за этой белой завесой слышалась ругань Петровича.

— Вот теперь здесь точно нечего смотреть, — говорю своим. — И точно нечего слушать!

Первоклашки протестующе загудели, но я была непреклонна. Развернулась и повела их в сторону корпуса, где в окне торчала изумлённая физиономия Лёлика. Первое, что он сказал, когда мы вошли в спальню мальчишек:

— Я его не поджигал — только запер!

Петрович и Катька за окном мелькали в дыму. В корпус тоже натянуло, но не слишком. Дети прилипли к окнам, обсуждая, потушат или нет, а я отчитывала Лёлика:

— Господи, зачем?! Зачем ты его запер?!

— Смешно же...

Лысый и Паша хором хрюкнули и даже оторвались от окна.

— Петрович нас уже отругал, Ляльвгенъна! Не называйте Лёху.

— Ещё как накажу! Вот позвоню сейчас его отцу...

— Не надо! — возразил Лысый. — Он крутой: он вас уволит, а лагерь закроет, вот он какой.

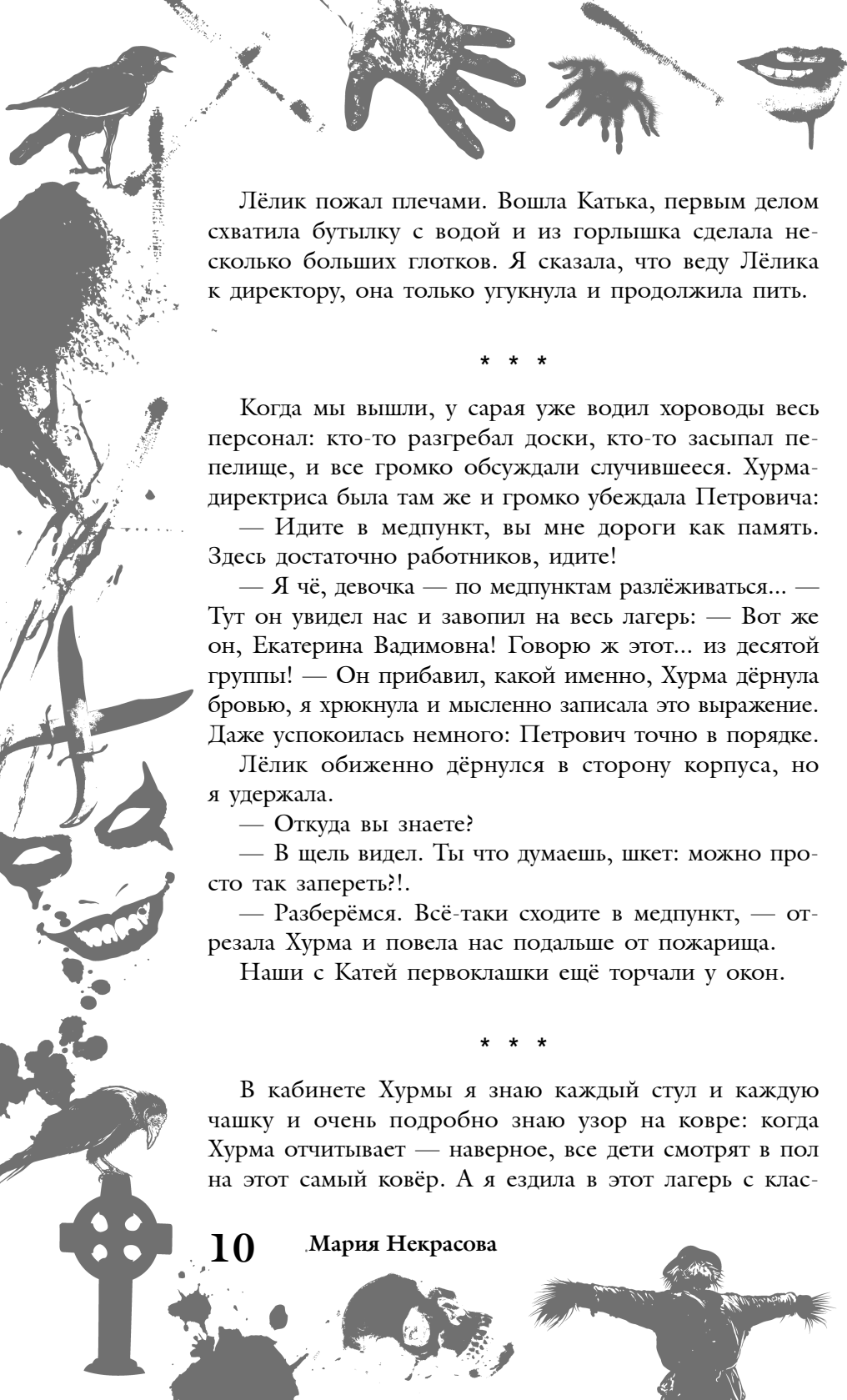
Все семилетки любят хвастаться, а вот отвечать за свои поступки...

— Это тебе Лёша сказал?

— Это правда!

— Так! — Я встала. Катька за окном отряхивалась и брела в сторону корпуса. Последний умирающий дымок стелился по земле, я уже всё прекрасно видела. Петрович с граблями сносил остатки сарая и смешно отскакивал, чтобы не получить по голове горелой доской. Вроде бы он был в порядке — только кашлял так, что у нас было слышно. — Сейчас придёт Катя, я оставлю вас на неё, а с тобой мы пойдём к директору, ясно? Мне не важно, кто там твой отец, ты сильно провинился... погоди, а кто тогда поджжёт-то?

Лёлик пожал плечами. Вошла Катька, первым делом схватила бутылку с водой и из горлышка сделала несколько больших глотков. Я сказала, что веду Лёлика к директору, она только угукнула и продолжила пить.

* * *

Когда мы вышли, у сарая уже водил хороводы весь персонал: кто-то разгребал доски, кто-то засыпал пепелище, и все громко обсуждали случившееся. Хурма-директриса была там же и громко убеждала Петровича:

— Идите в медпункт, вы мне дороги как память. Здесь достаточно работников, идите!

— Я чё, девочка — по медпунктам разлёживаться... — Тут он увидел нас и завопил на весь лагерь: — Вот же он, Екатерина Вадимовна! Говорю ж этот... из десятой группы! — Он прибавил, какой именно, Хурма дёрнула бровью, я хрюкнула и мысленно записала это выражение. Даже успокоилась немного: Петрович точно в порядке.

Лёлик обиженно дёрнулся в сторону корпуса, но я удержала.

— Откуда вы знаете?

— В щель видел. Ты что думаешь, шкет: можно просто так запереть?!

— Разберёмся. Всё-таки сходите в медпункт, — отрезала Хурма и повела нас подальше от пожарища.

Наши с Катей первоклашки ещё торчали у окон.

* * *

В кабинете Хурмы я знаю каждый стул и каждую чашку и очень подробно знаю узор на ковре: когда Хурма отчитывает — наверное, все дети смотрят в пол на этот самый ковёр. А я ездила в этот лагерь с клас-

сом столько, сколько проучилась в школе, да и в то лето должна была отдыхать со своими одноклассниками в первой группе, а не работать воспитаткой у малышей. Но всё пошло наперекосяк.

Хурма — она и в школе у нас директриса — всю весну бегала за мной по этой самой школе, требуя денег на путёвку в лагерь: их же надо заранее заказывать. А я всю весну бегала от Хурмы, потому что... Нет, деньги дома были. Просто родителям было настолько не до меня, что любой мой вяк, хоть про лагерь, хоть про который час, тонул в коротком «Отстань!» — ну это если я вообще видела родителей. Чаше не видела. Отец ушёл совсем, а мать пропадала на трёх работах. Мне казалось, что я живу одна с кошкой.

В общем, когда Хурма узнала, она предложила мне эту работу в летнем лагере, перед этим как школьников отчитав по телефону моих родителей (секретарша дала мне подслушать под дверь, хотя, наверное, это непедагогично, но мне от этого звонка стало легче). Конечно, мне не дали должность воспитателя — по бумагам я помощник или вообще волонтер. Но я поехала в лагерь, как и хотела... Но не как всегда! Честно говоря, к такому я не была готова. Хотя кто вообще готов, например, к пожару?! И это очень странно: быть взрослой там, где всю жизнь была ребёнком.

Смешно, но это из-за Хурмы дети зовут меня «Ляля Евгеньевна». Я поправляю: «Меня зовут Ольга» — и наткнулась на полное непонимание: «Какая ещё Ольга? Екатерина Вадимовна зовёт вас «Ляля... Евгеньевна». А она правда так зовёт! При детях лепит по привычке моё школьное детское имя — но тут же, конечно, спохватывается (это же помощник воспитателя, дети же слышат!) и быстро добавляет отчество. Выходит, Хурме тоже очень странно считать меня взрослой.

* * *

Пока Хурма звонила Лёликову отцу, я заварила чай — это часть ритуала в её кабинете. Наша директорша не образец демократии, но чаю со своим фирменным вареньем предложит всегда, даже если планирует вылить его тебе за шиворот. К тому же сейчас, после этого всего, я правда заслуживаю хорошую чашку чая с тонной сахара и блюдцем варенья. ...А бедняга Петрович ещё разгребает мусор во дворе.

Зато Лёлик особо не переживал: сидел себе на стульчике, жевал конфеты, время от времени поднимая голову, чтобы послушать телефонный разговор. Хурма говорила мало, в основном слушала, и я пыталась понять по её непроницаемому лицу, что ей говорят на том конце провода. Когда она положила трубку, мы с Лёликом уже выпили по полчашки. Хурма рассеяно глотнула из своей (остыл) и задала вопрос, так меня мучивший:

— А кто поджжёт-то?

Лёлик с набитым ртом только помотал головой, но Хурма как будто не заметила:

— А где зажигалку взял?

— Нашёл.

Я чуть не поперхнулась, но надо учиться держать лицо. Я здесь не ребёнок, я здесь почти воспиталка. Не, ну надо же, а! А Хурма и бровью не повела:

— Показывай.

Лёлик с готовностью выложил на стол новенькую «зиппо».

— Петровича, — оценила Хурма. — Лёша, ты вообще способен думать о последствиях?

— Я нечаянно! Я только чиркнул, а там сухая трава...

— Похоже на правду, — вступилась я, и Хурме это не понравилось:

— Идите, Ляля Евгеньевна, нам тут надо много чего обсудить.

Обсуждали они недолго. Лёлик догнал меня у пожараща, где ещё возились технички с Петровичем, растолкал всех и с невинным видом протянул Петровичу зажигалку:

— Простите меня, пожалуйста, это ваше. Я не хотел вас убивать.

Петрович у нас охранник и немножко завхоз, я не ждала от него педагогических изысков. И правильно: он вцепился Лёлику в ухо и принялся драть, ругаясь, как положено охраннику и немножко завхозу. Лёлик визжал, Петрович ругался громче...

...А вечером уволили Катку! Формально за то, что воспитатель недоглядел и ребёнок устроил пожар, который чудом обошёлся без жертв. И вроде правильно — но нет. И совсем не похоже на нашу справедливую Хурму. Уже позже, в приватном разговоре, она мне объяснила, что отец Лёлика крутой не крутой, а наш арендодатель, в смысле лагеря. И да: у него свои взгляды на то, как воспитывать детей. Другого папашу Хурма сумела бы урезонить, но с этим приходится считаться. Узнав, что сын чуть не убил охранника, он наехал на воспитателя: где была, почему недосмотрела... Вот Хурма ему навстречу и пошла.

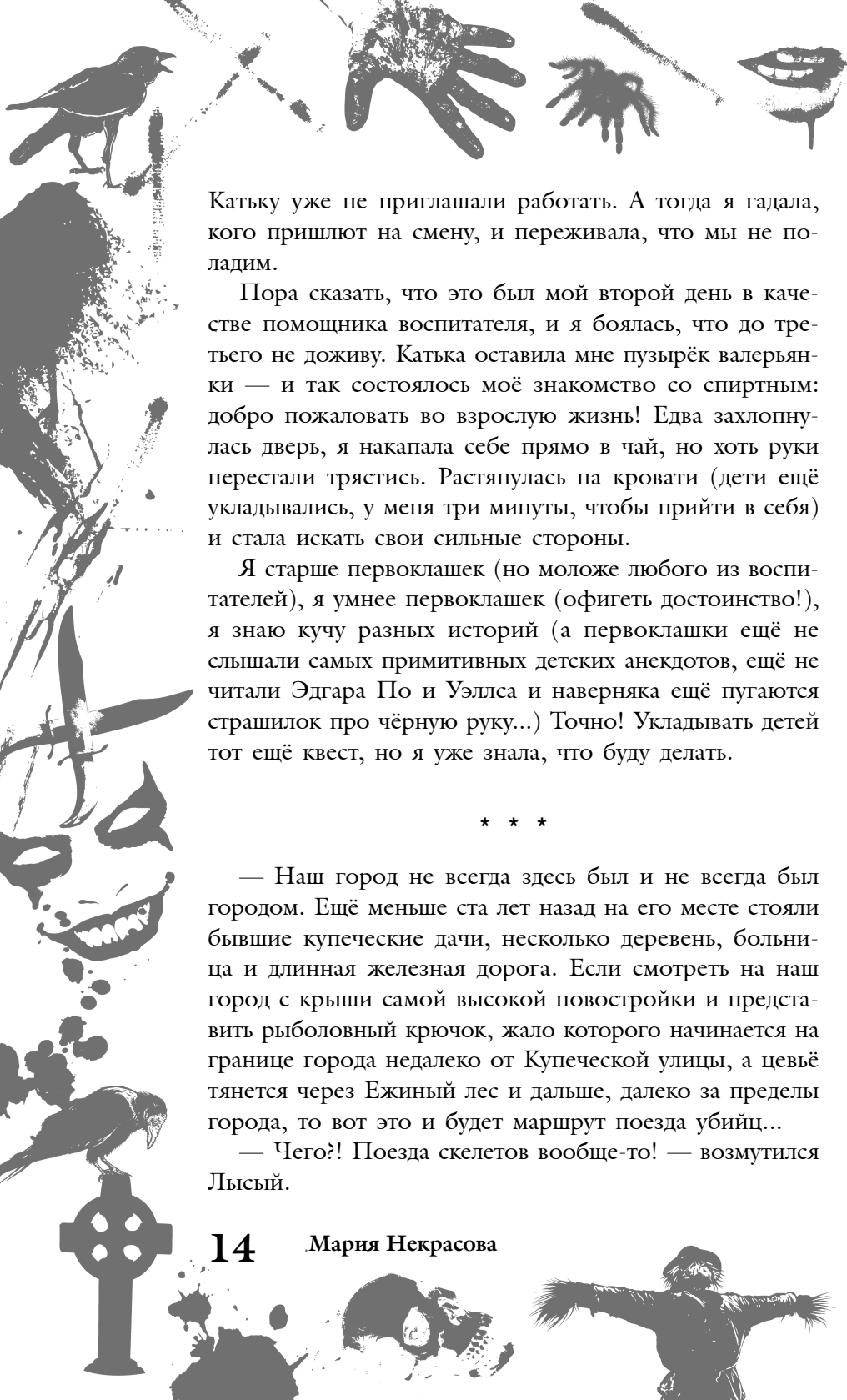
* * *

Катка редела, бросала шмотки в рюкзак, свободной рукой что-то сточа в телефоне.

— Замена утром придёт, — это она мне. — Хурма зайдёт через часик тебя проведать. Ночь продержишься?

Я обещала. Это было, наверное, моё самое короткое знакомство в лагере: ни на следующий год, ни после

Катку уже не приглашали работать. А тогда я гадала, кого пришлют на смену, и переживала, что мы не поладим.

Пора сказать, что это был мой второй день в качестве помощника воспитателя, и я боялась, что до третьего не доживу. Катка оставила мне пузырёк валерьянки — и так состоялось моё знакомство со спиртным: добро пожаловать во взрослую жизнь! Едва захлопнулась дверь, я накапала себе прямо в чай, но хоть руки перестали трястись. Растянулась на кровати (дети ещё укладывались, у меня три минуты, чтобы прийти в себя) и стала искать свои сильные стороны.

Я старше первоклашек (но моложе любого из воспитателей), я умнее первоклашек (офигеть достоинство!), я знаю кучу разных историй (а первоклашки ещё не слышали самых примитивных детских анекдотов, ещё не читали Эдгара По и Уэллса и наверняка ещё пугаются страшилок про чёрную руку...) Точно! Укладывать детей тот ещё квест, но я уже знала, что буду делать.

* * *

— Наш город не всегда здесь был и не всегда был городом. Ещё меньше ста лет назад на его месте стояли бывшие купеческие дачи, несколько деревень, больница и длинная железная дорога. Если смотреть на наш город с крыши самой высокой новостройки и представить рыболовный крючок, жало которого начинается на границе города недалеко от Купеческой улицы, а цевьё тянется через Ежиный лес и дальше, далеко за пределы города, то вот это и будет маршрут поезда убийц...

— Чего?! Поезда скелетов вообще-то! — возмутился Лысый.

— Вообще-то не перебивай, — говорю. — Впрочем, может быть, кто-то захочет послушать про скелетов?

Толстый и Влад замотали головами, из соседней комнаты протестуяще загудели девчонки. Я сидела на табуретке в дверном проёме между палатой девочек и палатой мальчиков, чтобы меня все слышали, а я их всех видела.

— Я тоже слышал про скелетов, — добавил Профессор. — Но по-моему, это сказки. Как они без мышц убивать-то будут? Ни руки не поднять, ничего.

Все засмеялись, Лысый был посрамлён. Лёлик молча сверлил меня глазами, я даже поёрзала: нет ли на стуле кнопки?

— Так вот, если смотреть на город с высоты, ночью, в определённый день, можно увидеть, как идёт этот поезд. Сначала медленно, медленнее пешехода, может показаться, что он стоит на месте. Но постепенно он разгоняется. Через дома, через проспекты, по несуществующим давно рельсам, он проходит через весь город со всеми остановками. И на каждой остановке кто-нибудь умирает.

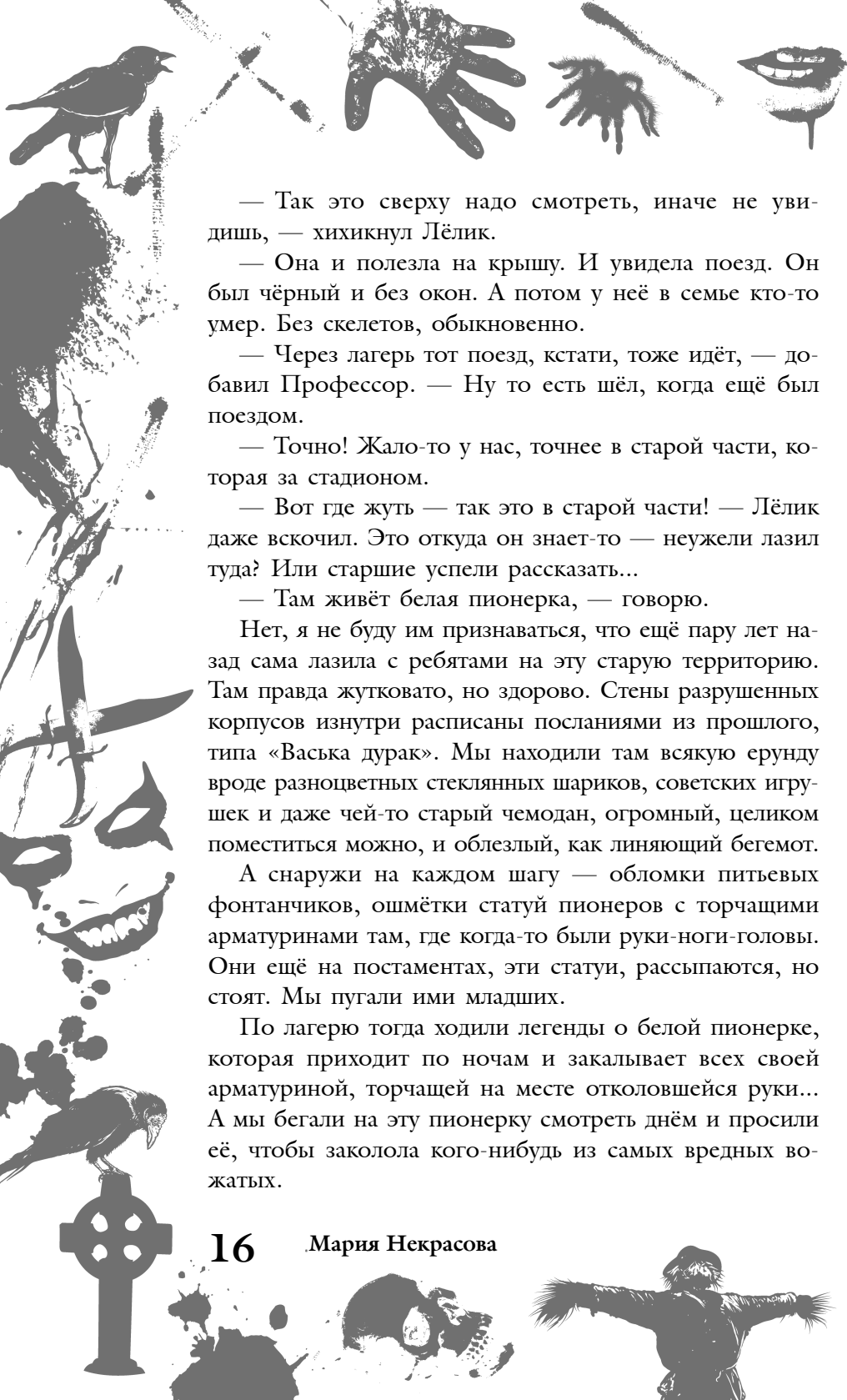
— Кто?

— Кто нечаянно оказался рядом. Житель дома, построенного на бывшей станции, просто прохожий, который оказался в ненужном месте в ненужное время...

— А я говорю — скелеты! — не унимался Лысый. Один мальчик вышел ночью во двор с собакой. Как раз где-то на маршруте того поезда. А утром ни мальчика ни собаки — только скелеты от них остались. Поэтому и называется «Поезд скелетов».

— Но они же с ним не уехали! — включилась Сашка. — Те, что в поезде, не скелеты, а убийцы. Я слышала про девочку, которая специально туда пошла. Ну, чтобы проверить, есть поезд или нету...

— Так это сверху надо смотреть, иначе не увидишь, — хихикнул Лёлик.

— Она и полезла на крышу. И увидела поезд. Он был чёрный и без окон. А потом у неё в семье кто-то умер. Без скелетов, обыкновенно.

— Через лагерь тот поезд, кстати, тоже идёт, — добавил Профессор. — Ну то есть шёл, когда ещё был поездом.

— Точно! Жаловало у нас, точнее в старой части, которая за стадионом.

— Вот где жуть — так это в старой части! — Лёлик даже вскочил. Это откуда он знает-то — неужели лазил туда? Или старшие успели рассказать...

— Там живёт белая пионерка, — говорю.

Нет, я не буду им признаваться, что ещё пару лет назад сама лазила с ребятами на эту старую территорию. Там правда жутковато, но здорово. Стены разрушенных корпусов изнутри расписаны посланиями из прошлого, типа «Васька дурак». Мы находили там всякую ерунду вроде разноцветных стеклянных шариков, советских игрушек и даже чей-то старый чемодан, огромный, целиком поместиться можно, и облезлый, как линяющий бегемот.

А снаружи на каждом шагу — обломки питьевых фонтанчиков, ошметки статуй пионеров с торчащими арматуринами там, где когда-то были руки-ноги-головы. Они ещё на постаментах, эти статуи, рассыпаются, но стоят. Мы пугали ими младших.

По лагерю тогда ходили легенды о белой пионерке, которая приходит по ночам и закалывает всех своей арматуриной, торчащей на месте отколовшейся руки... А мы бегали на эту пионерку смотреть днём и просили её, чтобы заколола кого-нибудь из самых вредных вожатых.

...А теперь вредная жоатая — это я. Хотелось разреваться от безнадёги и нахлынувших воспоминаний, но тут завопил Влад!

Он взвыл, как будто его укусили, откинул одеяло и усталился на какой-то комок грязи у себя в ногах.

Заржал Лёлик, заржали Лысый и Паша, девчонки повскакали с кроватей посмотреть, что там такое...

— Ну-ка тихо! Что там у тебя? — Я шагнула в сторону Влада — и увидела у него на постели лягушку.

Она ещё чуть шевелилась, но вид имела тряпичный и даже не пыталась ускакать.

— А чего она не упрыгивает? — спросил Лёлик.

— Ей тут нравится! — засмеялся Лысый.

— Тихо! — говорю. — Владик, ты ведь не сам её туда положил?

— Сам!

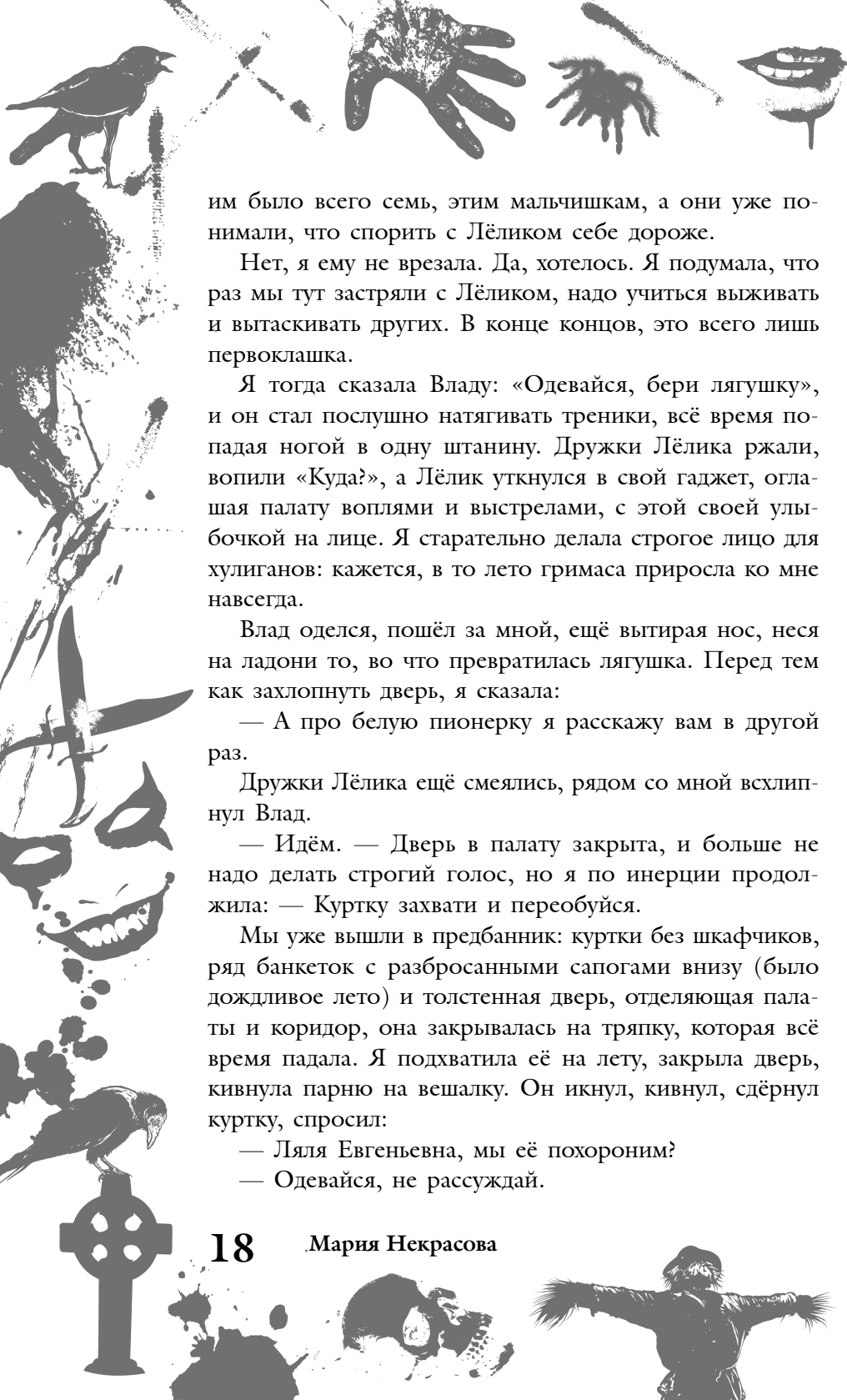
— Сам! — наперебой завопили Лёлик и компания. Всё-таки они ещё не умеют врать.

— А почему ты так думаешь? — Я уставилась на Лёлика суровым взглядом новоиспечённой воспиталки. На секунду даже это помогло: он отвёл глаза, видимо понаив, что сморозил что-то не то... Но только на секунду:

— Владик вам подтвердит, что взял лягушку в постель сам — правда, Владик? — Лёлик смотрел прямо на меня этим специальным взглядом из сериалов про бандитов: «Я знаю, что ты знаешь, что это я, а попробуй докажи! А докажешь — что ты мне сделаешь?»

...А самое обидное, что все смеялись, и Владик кивал, вот что. Кивал, наматывая сопли на кулак, протягивая мне безжизненную серую тряпку — обсохшую лягушку. Ей же всё время надо смачивать кожу, иначе... А Лысый, Паша и ещё один дружок Лёлика, Коля, орали: «Владик сам, он сам!» И Владик кивал, хрюкая и глотая сопли,

им было всего семь, этим мальчишкам, а они уже понимали, что спорить с Лёликом себе дороже.

Нет, я ему не врзала. Да, хотелось. Я подумала, что раз мы тут застряли с Лёликом, надо учиться выживать и вытаскивать других. В конце концов, это всего лишь первоклашка.

Я тогда сказала Владу: «Одевайся, бери лягушку», и он стал послушно натягивать треники, всё время попадая ногой в одну штанину. Дружки Лёлика ржали, вопили «Куда?», а Лёлик уткнулся в свой гаджет, оглашая палату воплями и выстрелами, с этой своей улыбочкой на лице. Я старательно делала строгое лицо для хулиганов: кажется, в то лето гримаса приросла ко мне навсегда.

Влад оделся, пошёл за мной, ещё вытирая нос, неся на ладони то, во что превратилась лягушка. Перед тем как захлопнуть дверь, я сказала:

— А про белую пионерку я расскажу вам в другой раз.

Дружки Лёлика ещё смеялись, рядом со мной всхлипнул Влад.

— Идём. — Дверь в палату закрыта, и больше не надо делать строгий голос, но я по инерции продолжила: — Курткухвати и переобуйся.

Мы уже вышли в предбанник: куртки без шкафчиков, ряд банкетов с разбросанными сапогами внизу (было дождливое лето) и толстенная дверь, отделяющая палаты и коридор, она закрывалась на тряпку, которая всё время падала. Я подхватила её на лету, закрыла дверь, кивнула парню на вешалку. Он икнул, кивнул, сдёрнул куртку, спросил:

— Ляля Евгеньевна, мы её похороним?

— Одевайся, не рассуждай.

Ещё несколько длинных секунд парень пытается попасть в рукава, перехватывая несчастную свою лягушку, икает и хлопает носом. Наконец выходим. Я толкаю дверь осторожно, чтобы не скрипнула, не хлопнула, хотя знаю, что бесполезно. Лёлик с бандой увидит в окно, что мы выходим, и всё доложит Хурме. Хурма меня убьёт, но мне уже плевать: я отчаялась дожить в лагере до завтра.

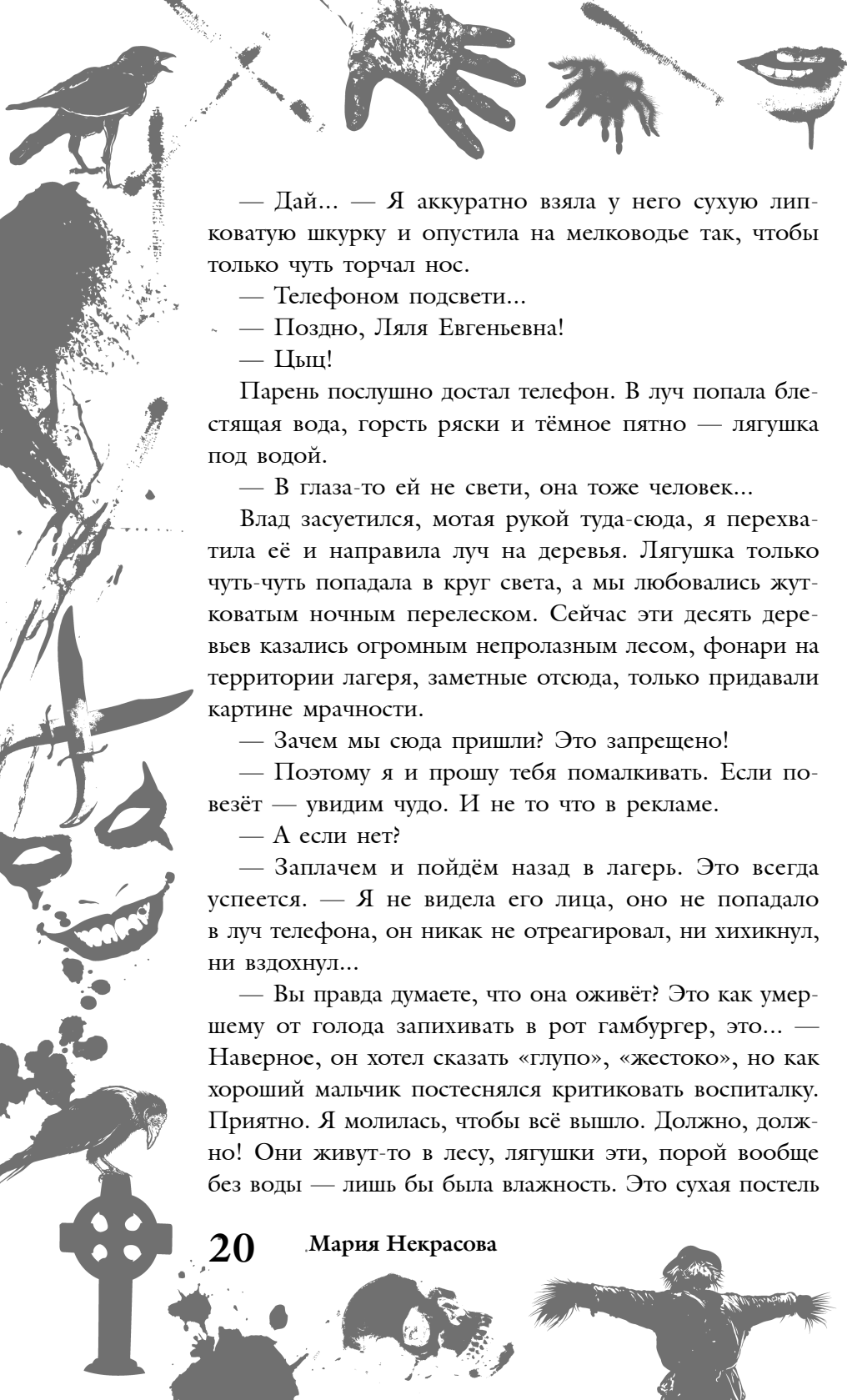
— Лёлику и банде ни слова! — шиплю Владу и бегу, пригнувшись под окнами, в сторону забора, отделяющего лагерь от мира взрослых. Я знаю, что он бежит за мной, так же согнувшись, и кивает земле у себя под ногами. Ну да, это запрещено — выводить детей за территорию, да ещё после отбоя. Лёлик обязательно на меня наступит. Ну и плевать. Больше всего я боялась, что они заметят, что Катьки нет (дети не видели, как она уходила, а я помалкивала). На войне как на войне: если рискуешь не дожить до утра, надо делать вид, что ты не одна, а за тобой армия, которая просто занята бумажной работой у себя в комнате, но всё-о-о видит и слышит! Хотя Лёлик наверняка в курсе... Скоро Хурма придёт!.. Плевать.

Я пролезла через дыру в заборе на глазах изумлённого Владика, приложила палец к губам и поманила за собой. Парень секунду поколебался (не каждый день воспитатели приказывают нарушать запреты), но послушно пролез следом. Пара десятков шагов по перелеску — и мы оказались на берегу маленького пруда (или болотца — кто их разберёт?), скинула куртку, уселась на мостки и кивнула парню:

— Садись.

Владик неуклюже сел, держа на ладони наотлёт свою лягушку.

— Дай... — Я аккуратно взяла у него сухую липковатую шкурку и опустила на мелководе так, чтобы только чуть торчал нос.

— Телефоном подсвети...

— Поздно, Ляля Евгеньевна!

— Цыц!

Парень послушно достал телефон. В луч попала блестящая вода, горсть ряски и тёмное пятно — лягушка под водой.

— В глаза-то ей не свети, она тоже человек...

Влад засуетился, мотая рукой туда-сюда, я перехватила её и направила луч на деревья. Лягушка только чуть-чуть попадала в круг света, а мы любовались жутковатым ночным перелеском. Сейчас эти десять деревьев казались огромным непролазным лесом, фонари на территории лагеря, заметные отсюда, только придавали картине мрачности.

— Зачем мы сюда пришли? Это запрещено!

— Поэтому я и прошу тебя помалкивать. Если повезёт — увидим чудо. И не то что в рекламе.

— А если нет?

— Заплачем и пойдём назад в лагерь. Это всегда успеется. — Я не видела его лица, оно не попадало в луч телефона, он никак не отреагировал, ни хихикнул, ни вздохнул...

— Вы правда думаете, что она оживёт? Это как умершему от голода запихивать в рот гамбургер, это... — Наверное, он хотел сказать «глупо», «жестоко», но как хороший мальчик постеснялся критиковать воспиталку. Приятно. Я молилась, чтобы всё вышло. Должно, должно! Они живут-то в лесу, лягушки эти, порой вообще без воды — лишь бы была влажность. Это сухая постель

лишила её всей влаги. Сейчас она смочит свою кожу, и ей станет легче.

— Не совсем так... Лёлик тебя достает?

— Как вы догадались?

Тоже мне секрет! Я пожала плечами.

— Только не говорите ему, что я...

— Ещё не хватало с ним разговаривать!

Влад хихикнул, а потом вскочил и завопил на весь лагерь:

— Шевелится, шевелится!

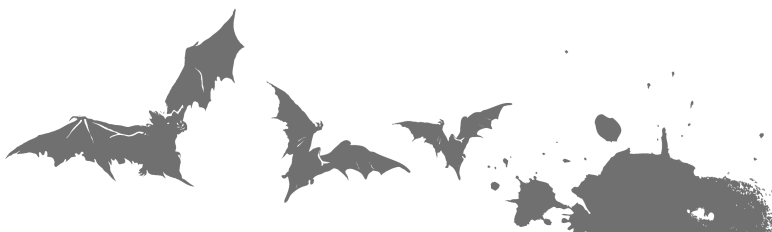
Лягуха и правда задёргалась на воде. Попад в луч фонаря, она замерла на пару секунд, чтобы ещё яростнее забить задними лапами и сделать пару рывков к тени.

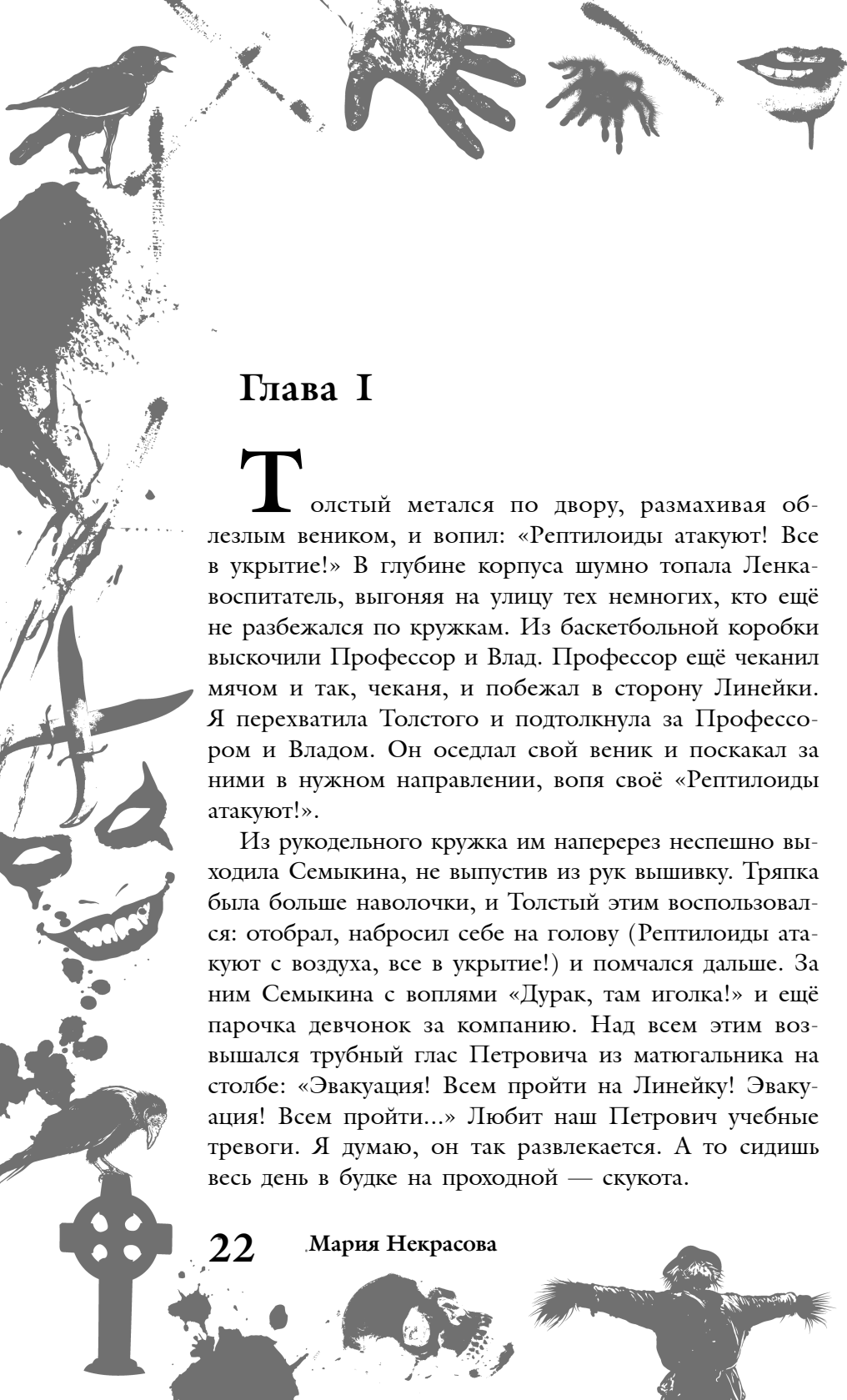
— Пльвёт... — прошептал Владик.

Наверное, надо было что-то сказать, но я всё-таки не настоящий педагог. Я обещала чудо — я показала чудо. Лягуха выжила. Парень на секунду поверил, что миром правит не зло и лёлики, а добро, Ляля Евгеньевна и холодная вода из болота, если станет совсем плохо. Я мысленно праздновала педагогическую победу и соображала, что сказать Хурме, когда Лёлик на нас наступит.

...Уже не помню, что придумала тогда, это было десять лет назад. Теперь те дети выросли. Ну, почти: перешли в одиннадцатый. Я за эти годы только растолстела, нажила три ненужных диплома, работу, которая приносит деньги, и ещё парочку волонтерских работ помимо лагеря. А они выросли.

Ну, почти...

Глава I

Толстый метался по двору, размахивая облезлым веником, и вопил: «Рептилоиды атакуют! Все в укрытие!» В глубине корпуса шумно топала Ленка-воспитатель, выгоняя на улицу тех немногих, кто ещё не разбежался по кружкам. Из баскетбольной коробки выскочили Профессор и Влад. Профессор ещё чеканил мячом и так, чеканя, и побежал в сторону Линейки. Я перехватила Толстого и подтолкнула за Профессором и Владом. Он оседлал свой веник и поскакал за ними в нужном направлении, вопя своё «Рептилоиды атакуют!».

Из рукодельного кружка им наперерез неспешно выходила Семькина, не выпустив из рук вышивку. Тряпка была больше наволочки, и Толстый этим воспользовался: отобрал, набросил себе на голову (Рептилоиды атакуют с воздуха, все в укрытие!) и помчался дальше. За ним Семькина с воплями «Дурак, там иголка!» и ещё парочка девчонок за компанию. Над всем этим возвышался трубный глас Петровича из матюгальника на столбе: «Эвакуация! Всем пройти на Линейку! Эвакуация! Всем пройти...» Любит наш Петрович учебные тревоги. Я думаю, он так развлекается. А то сидишь весь день в будке на проходной — скукота.

Из корпуса выскочила Булка, придерживая на голове эмалированную столовскую миску, типа каска, за ней гнался Коля, пытаясь на ходу по этой миске постучать. Последней вышла Ленка, заперла корпус на всякий замок и кивнула мне:

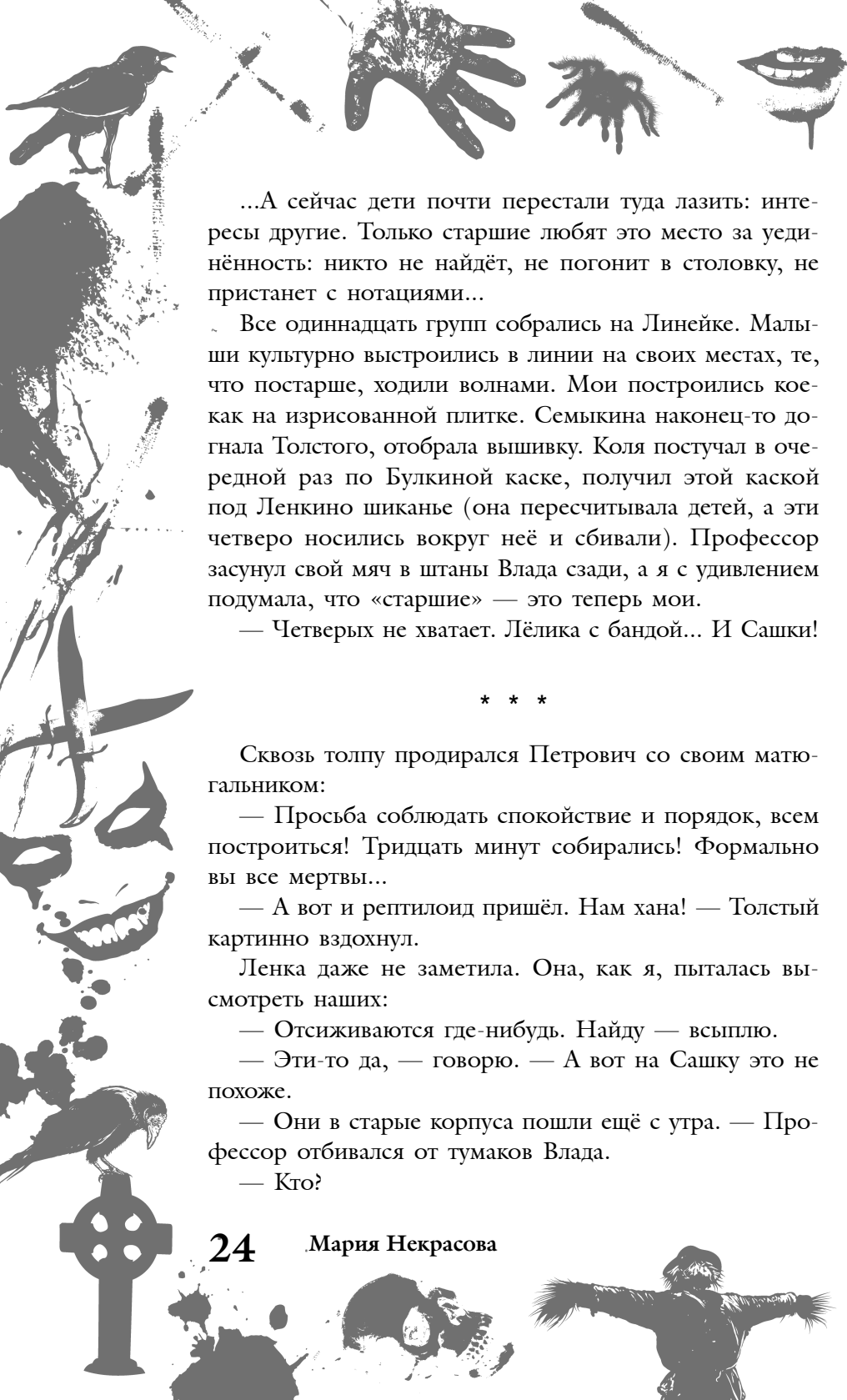
— Всех видела?

— И половины нет. Сейчас из кружков сбегутся, на месте пересчитаем.

Линейкой мы называем поросшую бурьяном площадь за футбольным полем на территории старого лагеря. Наш лагерь строился рядом с ним по принципу «сперва построим новый, потом снесём старый», да только старый так и не снесли. Формально это тоже наша территория, хотя по ней не скажешь. Там, на Линейке, где собирались пионеры много лет назад, ещё торчит из земли обломок ржавого флагштока, ещё жива тротуарная плитка и надписи на ней облупленной масляной краской: «Отряд «Светлячок» 88-й год», «75-й» и даже шестьдесят какой-то. Почти на каждом шагу почти каждый квадратик исписан-изрисован — прямо Аллея Славы после апокалипсиса. Линейка дальше всего от жилых корпусов, поэтому если и правда что случится — это самое лучшее место для эвакуации. Но корпуса старого лагеря отсюда видны. С трёх сторон лагерь окружён лесом, а с четвёртой — руинами.

Нет, ту часть старых корпусов, которая на нашей территории, отреставрировали, и там живёт персонал. Два ярко раскрашенных домика, куда надо лезть через дыру в заборе (или обходить весь лагерь по широкой дуге, чтобы выйти через проходную), а дальше — руины. Мы мелкими туда лазили: интересно же. Хурма с Петровичем нас вылавливали, но мы бегали быстрее и лучше прятались.

...А сейчас дети почти перестали туда лазить: интересы другие. Только старшие любят это место за уединённость: никто не найдёт, не погонит в столовку, не пристанет с нотациями...

Все одиннадцать групп собрались на Линейке. Малыши культурно выстроились в линии на своих местах, те, что постарше, ходили волнами. Мои построились кое-как на изрисованной плитке. Семькина наконец-то догнала Толстого, отобрала вышивку. Коля постучал в очередной раз по Булкиной каске, получил этой каской под Ленкино шиканье (она пересчитывала детей, а эти четверо носились вокруг неё и сбивали). Профессор засунул свой мяч в штаны Влада сзади, а я с удивлением подумала, что «старшие» — это теперь мои.

— Четверых не хватает. Лёлика с бандой... И Сашки!

* * *

Сквозь толпу продирался Петрович со своим матюгальником:

— Просьба соблюдать спокойствие и порядок, всем построиться! Тридцать минут собирались! Формально вы все мертвы...

— А вот и рептилоид пришёл. Нам хана! — Толстый картинно вздохнул.

Ленка даже не заметила. Она, как я, пыталась высмотреть наших:

— Отсидживаются где-нибудь. Найду — всыплю.

— Эти-то да, — говорю. — А вот на Сашку это не похоже.

— Они в старые корпуса пошли ещё с утра. — Профессор отбивался от тумачков Влада.

— Кто?

— Сначала Сашка, а за ней Лёлик с бандой.

Опа! Лёлик с бандой привязались к Сашке давно, судя по всему ещё в школе. Нет, она мне не жаловалась, и Ленке с Хурмой тоже, но булинг в мешке не утаишь. Да и Лёлик не из тех, кто считает нужным скрывать свои делишки. Доставать Сашку в открытую они при мне всё-таки стеснялись, и всё равно... Эти все разговорчики, взгляды, словечки, за которые в моём детстве били по губам... В общем, уже через пять минут после того, как моя группа заселилась в лагерь, было ясно, кого Лёлик и дружки выбрали жертвой в этом году. С начала смены я сто раз пыталась вызвать Сашку на разговор, но так ничего и не добилась. А на душе было беспокойно. Это в первом классе Лёлик с друзьями ограничивались лягушкой, подкинутой в постель, а семнадцатилетние лбы втроём против девочки...

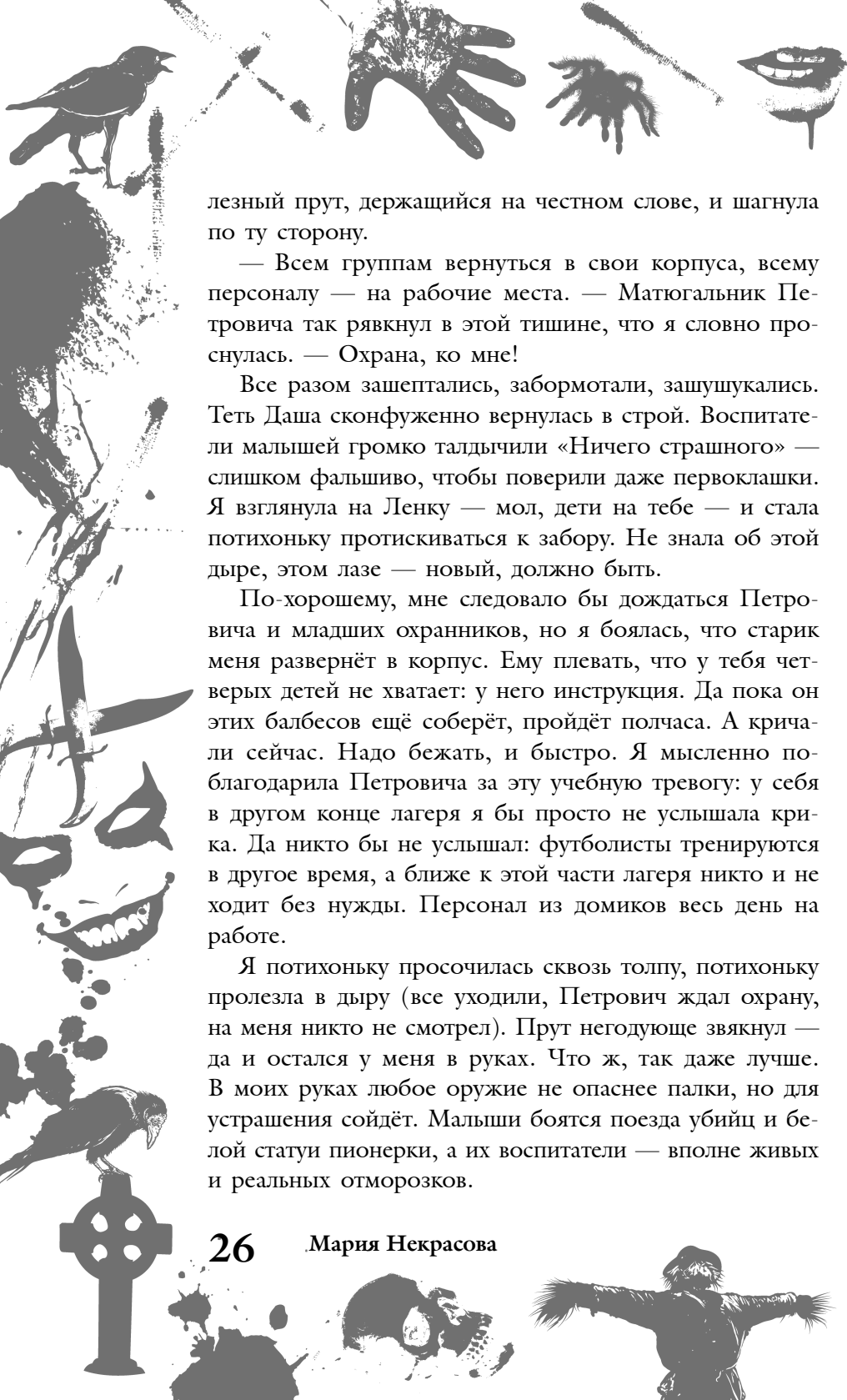
Петрович прохаживался вдоль рядов и вещал в свой матюгальник:

— Мы живём в нелёгкое время, когда очень важно уметь себя вести в чрезвычайных ситуациях. Ни пожар, ни взрыв никому не дают второго шанса...

И тут раздался крик. Кричали далеко, визгливо на одной ноте, как будто хотят высверлить в ухе дыру. Вся Линейка замолчала разом, словно прислушиваясь, хоть это и не нужно. А крик не умолкал. Он тянулся и тянулся, наверное, минуту или дольше, у меня даже в глазах потемнело. Или не в глазах. Я моргала, а это не проходило, а там все кричали. Где-то у старых корпусов.

Потом звук как выключили. В ушах ещё стоял белый шум, как в старом телефоне. Тучная колонна поваров, стоящих ближе всех к старым корпусам, молча потянулась к забору. Теть Даша по-хозяйски отодвинула же-

лезный прут, держащийся на честном слове, и шагнула по ту сторону.

— Всем группам вернуться в свои корпуса, всему персоналу — на рабочие места. — Матюгальник Петровича так рывкнул в этой тишине, что я словно проснулась. — Охрана, ко мне!

Все разом зашептались, забормотали, зашушукались. Теть Даша сконфуженно вернулась в строй. Воспитатели малышей громко талдычили «Ничего страшного» — слишком фальшиво, чтобы поверили даже первоклашки. Я взглянула на Ленку — мол, дети на тебе — и стала потихоньку протискиваться к забору. Не знала об этой дыре, этом лазе — новый, должно быть.

По-хорошему, мне следовало бы дожидаться Петровича и младших охранников, но я боялась, что старик меня развернёт в корпус. Ему плевать, что у тебя четверых детей не хватает: у него инструкция. Да пока он этих балбесов ещё соберёт, пройдёт полчаса. А кричали сейчас. Надо бежать, и быстро. Я мысленно поблагодарила Петровича за эту учебную тревогу: у себя в другом конце лагеря я бы просто не услышала крика. Да никто бы не услышал: футболисты тренируются в другое время, а ближе к этой части лагеря никто и не ходит без нужды. Персонал из домиков весь день на работе.

Я потихоньку просочилась сквозь толпу, потихоньку пролезла в дыру (все уходили, Петрович ждал охрану, на меня никто не смотрел). Прут негодующе звякнул — да и остался у меня в руках. Что ж, так даже лучше. В моих руках любое оружие не опаснее палки, но для устрашения сойдёт. Малыши боятся поезда убийц и белой статуи пионерки, а их воспитатели — вполне живых и реальных отморозков.

Я ещё слышала, как за спиной орёт в матюгальник Петрович, собирая всю охрану. Под ногами бежала земля. Дорога шла вниз по склону, и прут перевешивал, тянул вперёд. Остались позади раскрашенные отреставрированные корпуса, впереди — почти пустырь с редкими остатками старого лагеря.

Сейчас тут, конечно, почище, чем было в моём детстве: снесли всё, что могло свалиться, разгребли всё, что можно было разгрести, но фундаменты, ржавые палки питьевых фонтанчиков, скелеты старых статуй никуда не делись...

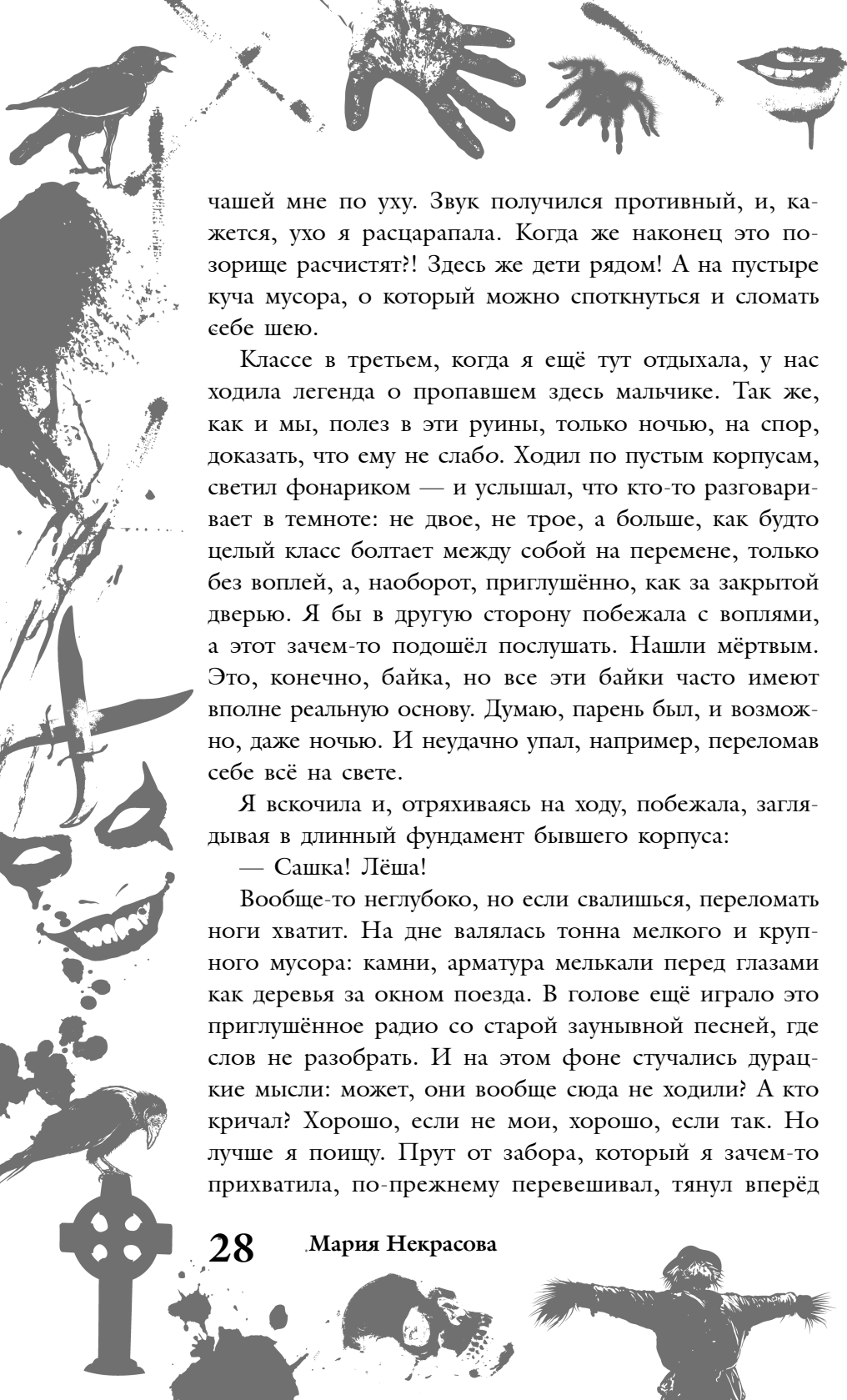
— Сашка! — я прислушалась. Где-то, непонятно где, как будто играло приглушённое радио. Слов не разобрать, да и мелодию еле улавливаешь. Не узнаёшь, а так. Мне представился хор в бедной старой одежде, поющий что-то о дороге, но слов я не разбирала. В глазах всё ещё было темно, как будто смотрю на пасмурный день сквозь солнечные очки. Тихо. Только это непонятное радио.

— Лёша!

Меня окружали молчаливые фундаменты и остатки питьевых фонтанчиков как придорожные столбы. Рядом с одним белела бывшая голова бывшей белой пионерки. Из шеи торчал кусок арматурины. Чуть впереди ещё на постаменте стояло всё, что осталось от горниста — только голова и горн, всё остальное — арматура. Горнист от этого казался нелепым, как небрежно нарисованный человечек. Нос был отбит, а рот подрисован до ушей красной помадой.

Я споткнулась о какой-то мелкий мусор, ухватилась за бывший фонтанчик и вместе с этим фонтанчиком полетела носом вниз. Нос больно встретился с обломком доски. Фонтанчик шумно приземлился рядом, мазнув

чашей мне по уху. Звук получился противный, и, кажется, ухо я расцарапала. Когда же наконец это позорище расчистят?! Здесь же дети рядом! А на пустыре куча мусора, о который можно споткнуться и сломать себе шею.

Классе в третьем, когда я ещё тут отдыхала, у нас ходила легенда о пропавшем здесь мальчике. Так же, как и мы, полез в эти руины, только ночью, на спор, доказать, что ему не слабо. Ходил по пустым корпусам, светил фонариком — и услышал, что кто-то разговаривает в темноте: не двое, не трое, а больше, как будто целый класс болтает между собой на перемене, только без воплей, а, наоборот, приглушённо, как за закрытой дверью. Я бы в другую сторону побежала с воплями, а этот зачем-то подошёл послушать. Нашли мёртвым. Это, конечно, байка, но все эти байки часто имеют вполне реальную основу. Думаю, парень был, и возможно, даже ночью. И неудачно упал, например, переломав себе всё на свете.

Я вскочила и, отряхиваясь на ходу, побежала, заглядывая в длинный фундамент бывшего корпуса:

— Сашка! Лёша!

Вообще-то неглубоко, но если свалишься, переломать ноги хватит. На дне валялась тонна мелкого и крупного мусора: камни, арматура мелькали перед глазами как деревья за окном поезда. В голове ещё играло это приглушённое радио со старой заунывной песней, где слов не разобрать. И на этом фоне стучались дурацкие мысли: может, они вообще сюда не ходили? А кто кричал? Хорошо, если не мои, хорошо, если так. Но лучше я поищу. Прут от забора, который я зачем-то прихватила, по-прежнему перевешивал, тянул вперёд

и лупил по ноге. А мне казалось, что это помогает бежать быстрее.

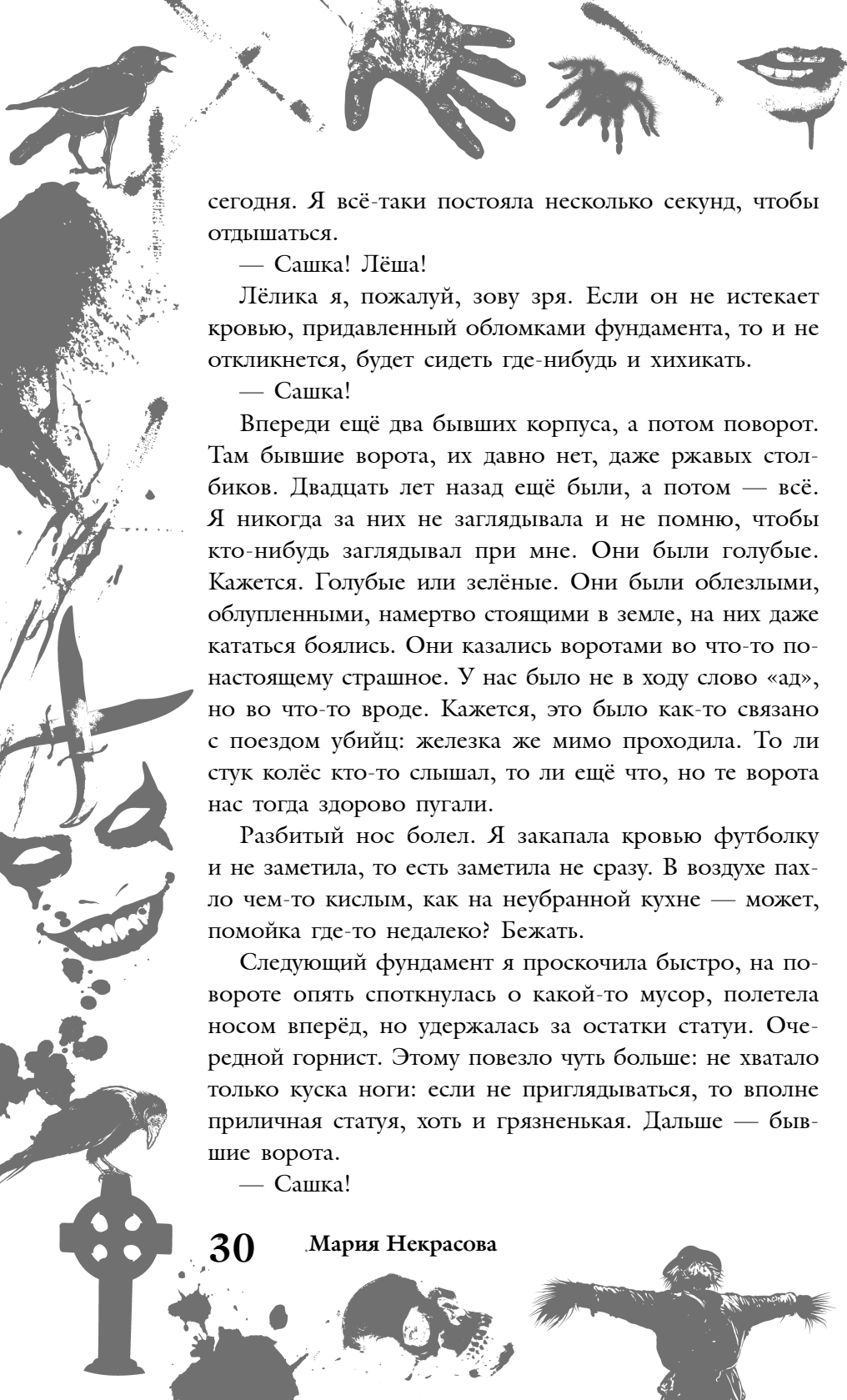
Эти фундаменты, эти бывшие корпуса стояли на территории огромной буквой «П», я миновала один, побежала к следующему... В глазах темно. И ещё эта песенка. Да она мне сниться будет! Откуда она, вот что меня тревожило. Она доносилась словно со всех сторон сразу и немного сверху. ...В лагере такое не поют. Лёлик такое не слушает, по его музыке я бы его за километр нашла. Как будто где-то на пустыре спрятался целый хор... Спокойно. Всё имеет рациональное объяснение. Хору здесь не спрятаться, а вот какой-нибудь раздолбанный радиоприёмник в этом мусоре мог и затеряться. А что батарейки — может, его недавно потеряли... Господи, есть же корпуса персонала! Скорее всего, там и забыли выключить радио. Всё-таки от страха глупеешь.

Корпуса, лишённые стен, были совсем чужими. От них не пахло той волшебной заброшкой моего детства, страшноватой, но близкой и даже уютной. Фундаменты стояли как корни спиленных зубов. Да и внутри видок был не лучше: камни, земля... Тряпка!

Оранжевую тряпку я разглядела шагов с пяти и бежала к ней, наверное, год. Я вглядывалась, ища по краям тряпки голову, руки ноги, но темнота в глазах не давала ничего увидеть. Добежав, я перегнулась через бетон фундамента, сцапала эту тряпку, выдернула и ещё смотрела несколько секунд, чтобы убедиться, что это всего лишь тряпка. Дышать тяжело. Просто кусок жилета, который носят дворники. Не чья-то футболка с хозяином внутри.

И не надо говорить мне «Спокойно» — когда-нибудь мы все успокоимся. Лишь бы не мои, лишь бы не

сегодня. Я всё-таки постояла несколько секунд, чтобы отдышаться.

— Сашка! Лёша!

Лёлика я, пожалуй, зову зря. Если он не истекает кровью, придавленный обломками фундамента, то и не откликнется, будет сидеть где-нибудь и хихикать.

— Сашка!

Впереди ещё два бывших корпуса, а потом поворот. Там бывшие ворота, их давно нет, даже ржавых столбиков. Двадцать лет назад ещё были, а потом — всё. Я никогда за них не заглядывала и не помню, чтобы кто-нибудь заглядывал при мне. Они были голубые. Кажется. Голубые или зелёные. Они были облезлыми, облупленными, намертво стоящими в земле, на них даже кататься боялись. Они казались воротами во что-то понастоящему страшное. У нас было не в ходу слово «ад», но во что-то вроде. Кажется, это было как-то связано с поездом убийц: железка же мимо проходила. То ли стук колёс кто-то слышал, то ли ещё что, но те ворота нас тогда здорово пугали.

Разбитый нос болел. Я закапала кровью футболку и не заметила, то есть заметила не сразу. В воздухе пахло чем-то кислым, как на небубранной кухне — может, помойка где-то недалеко? Бежать.

Следующий фундамент я проскочила быстро, на повороте опять споткнулась о какой-то мусор, полетела носом вперёд, но удержалась за остатки статуи. Очередной горнист. Этому повезло чуть больше: не хватало только куска ноги: если не приглядываться, то вполне приличная статуя, хоть и грязненькая. Дальше — бывшие ворота.

— Сашка!

Поднялся ветер, и за бывшими воротами зашумела одинокая сосна. В глазах неожиданно прояснилось... и это радио... Радио стихло! Я побежала вперёд за бывшие ворота и сквозь собственный топот молодой бегемотихи по руинам услышала плач.

* * *

Кто-то всхлипывал совсем рядом. Как будто у меня под ногами, как будто... Ещё шаг — и я чуть не полетела в заросший травой бетонный колодец. Сашка сидела уткнувшись лицом в коленки и всхлипывала. Сидя на корточках, я могла дотянуться до неё рукой: колодец был неглубокий, наполовину засыпанный. Меня она не замечала — или не видела.

— Саш!

— Идите отсюда! — Даже головы не подняла.

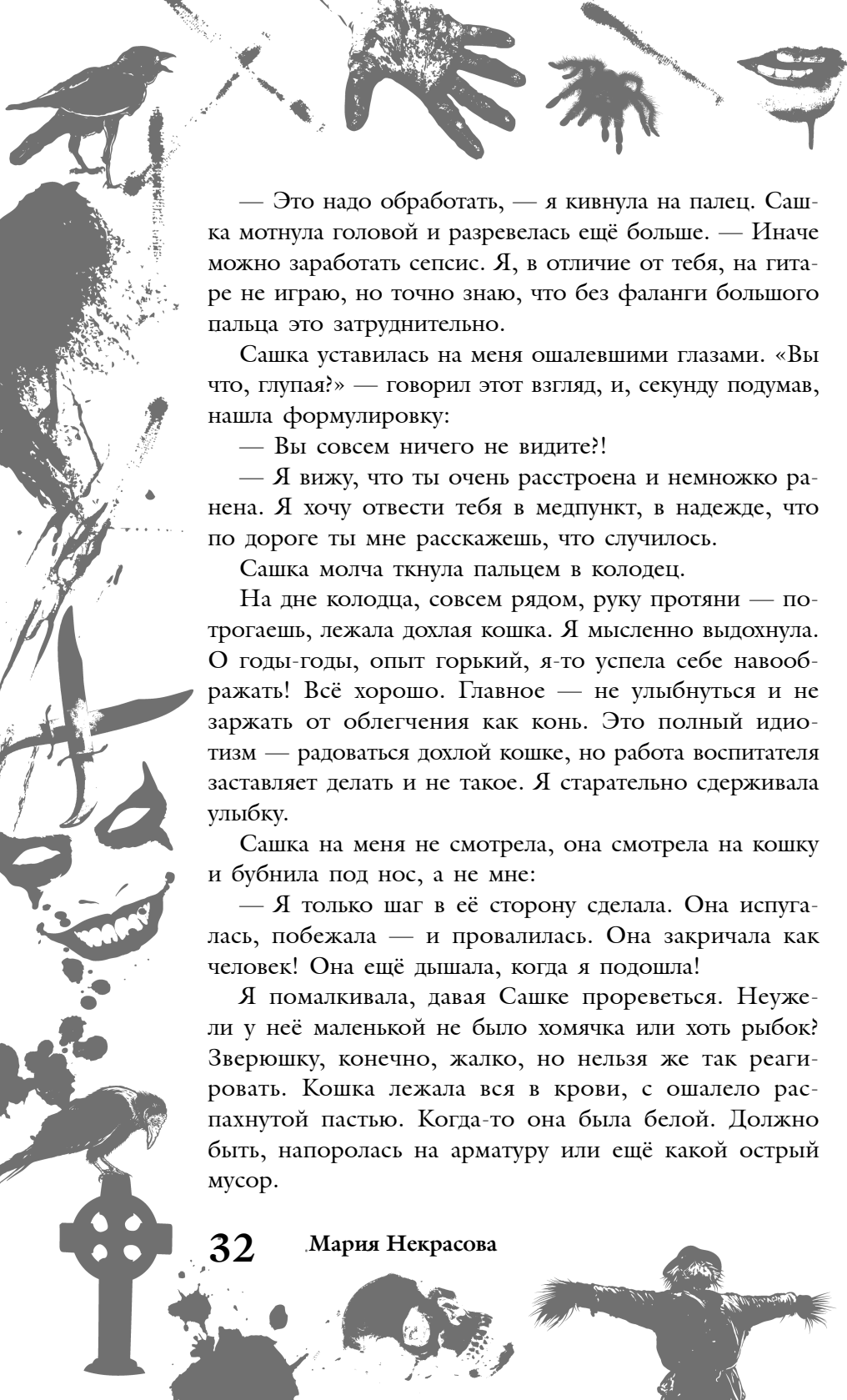
— Что с тобой? Руки-ноги целы?

Она кивнула, не переставая рыдать. Одежда на ней был целая и даже почти чистая, но это не значило ничего. Вообще ничего.

— Это Лёлик, скажи?!

— Какой Лёлик? — Она на секунду даже подняла на меня глаза. Совершенно потерянные, как будто её оторвали от компьютерной игрушки или книги. Я молчала: пусть всё скажет сама. Пару секунд она буравила глазами пустоту за моей спиной, потом взгляд просиял, Сашка взвизгнула: — При чём здесь этот дурак вообще?! — и, легко опершись на одну руку, выскочила из колодца. Так, руки-ноги и правда целы. На большом пальце руки, на самой подушечке, глубоченная ссадина — наверняка на арматуру напоролась. Надо вести в медпункт, может, по дороге разговорится.

— Это надо обработать, — я кивнула на палец. Сашка мотнула головой и разревелась ещё больше. — Иначе можно заработать сепсис. Я, в отличие от тебя, на гитаре не играю, но точно знаю, что без фаланги большого пальца это затруднительно.

Сашка усталилась на меня ошалевшими глазами. «Вы что, глупая?» — говорил этот взгляд, и, секунду подумав, нашла формулировку:

— Вы совсем ничего не видите?!

— Я вижу, что ты очень расстроена и немножко ранена. Я хочу отвести тебя в медпункт, в надежде, что по дороге ты мне расскажешь, что случилось.

Сашка молча ткнула пальцем в колодец.

На дне колодца, совсем рядом, руку протяни — потрогаешь, лежала дохлая кошка. Я мысленно выдохнула. О годы-годы, опыт горький, я-то успела себе навоображать! Всё хорошо. Главное — не улыбнуться и не заржать от облегчения как конь. Это полный идиотизм — радоваться дохлой кошке, но работа воспитателя заставляет делать и не такое. Я старательно сдерживала улыбку.

Сашка на меня не смотрела, она смотрела на кошку и бубнила под нос, а не мне:

— Я только шаг в её сторону сделала. Она испугалась, побежала — и провалилась. Она закричала как человек! Она ещё дышала, когда я подошла!

Я помалкивала, давая Сашке прореветься. Неужели у неё маленькой не было хомячка или хоть рыбок? Зверюшку, конечно, жалко, но нельзя же так реагировать. Кошка лежала вся в крови, с ошалело распавшей пастью. Когда-то она была белой. Должно быть, напоролась на арматуру или ещё какой острый мусор.

— Саш, я тебя понимаю, но...

— Ни черта вы не понимаете! Это из-за меня! Из-за меня!

За спиной послышались смешки.

Я повернула голову и сначала увидела квадрокоптер, бесстыже зависший над нами с Сашкой. Он снимал. Интересно, давно? А в кустах, в паре шагов от нас, торчали радостные физиономии Лёлика и банды. Тогда я наконец-то выкинула свой прут.

* * *

Петровича с бригадой охраны мы встретили уже по дороге обратно. Он был так рад, что всё кончилось хорошо, что даже не ворчал. Потом мне кое-как удалось затащить Сашку в медпункт. Медсестра долго допытывалась, где она ухитрилась так исполосовать палец, но упрямая Сашка твердила, что не помнит.

...А на выходе нас уже ждали Хурма и почему-то Лёлик с бандой. Видимо, их она уже отчитала за прогулки в непопозволенном месте и жаждала свежей крови.

— Как погуляла? — она кивнула на Сашкин забинтованный палец. Лёлик с бандой заржали. — Вас я больше не задерживаю.

— Ну нам же интересно, Екатерина Вадимовна!

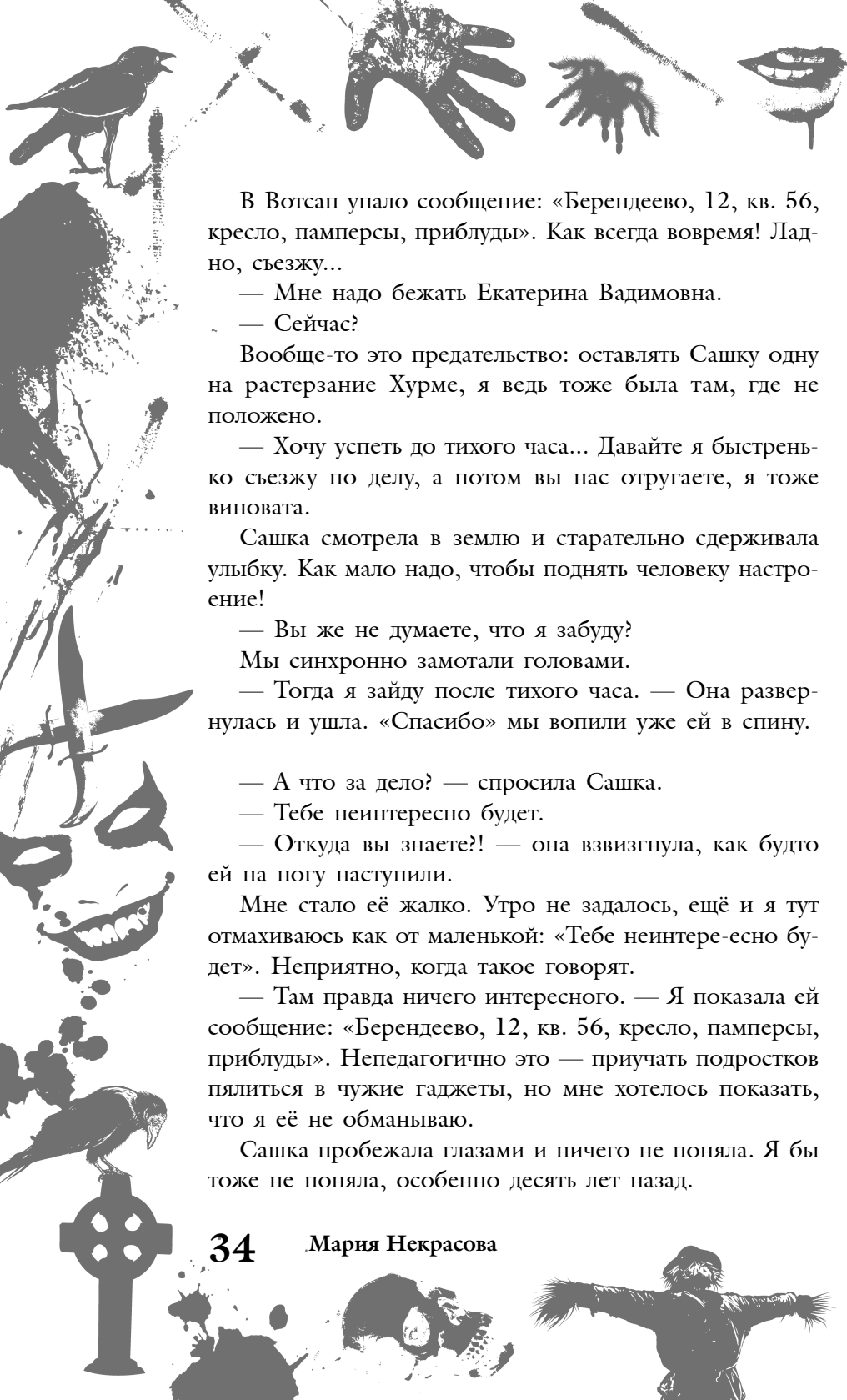
— А я думала, ты сам всё видел и заснял.

Лёлик на секунду стушевался: мне показалось — или в бесстыжих глазах и правда мелькнул страх?

— Мы не её снимали.

Некстати дзинькнул мой телефон, чуть не вздрогнула. А Лёлик с дружками драпанули прочь как по команде. Совість нечиста?

В Вотсап упало сообщение: «Берендеево, 12, кв. 56, кресло, памперсы, приبلуды». Как всегда вовремя! Ладно, съезжу...

— Мне надо бежать Екатерина Вадимовна.

— Сейчас?

Вообще-то это предательство: оставлять Сашку одну на растерзание Хурме, я ведь тоже была там, где не положено.

— Хочу успеть до тихого часа... Давайте я быстренько съезжу по делу, а потом вы нас отругаете, я тоже виновата.

Сашка смотрела в землю и старательно сдерживала улыбку. Как мало надо, чтобы поднять человеку настроение!

— Вы же не думаете, что я забуду?

Мы синхронно замотали головами.

— Тогда я зайду после тихого часа. — Она развернулась и ушла. «Спасибо» мы вопили уже ей в спину.

— А что за дело? — спросила Сашка.

— Тебе неинтересно будет.

— Откуда вы знаете?! — она взвизгнула, как будто ей на ногу наступили.

Мне стало её жалко. Утро не выдалось, ещё и я тут отмахиваюсь как от маленькой: «Тебе неинтересно будет». Неприятно, когда такое говорят.

— Там правда ничего интересного. — Я показала ей сообщение: «Берендеево, 12, кв. 56, кресло, памперсы, приبلуды». Непедагогично это — приучать подростков пялиться в чужие гаджеты, но мне хотелось показать, что я её не обманываю.

Сашка пробежала глазами и ничего не поняла. Я бы тоже не поняла, особенно десять лет назад.

— Что это вообще?

— Это значит, что кто-то умер.

— Кто?

— Не знаю. Бабушка, дедушка, может и кто помо-
ложе, я никогда не спрашиваю.

— Почему?

— Сама как думаешь?

— Страшно, да? А при чём здесь вы?

— Я еду, чтобы забрать его барахлишко в дом пре-
старелых — живым пригодится.

— Кресло, памперсы...

— Ну да!

— А что за приблуды?

— Глюкометр, тонометр, ещё какой-нибудь -ометр...

Ты не представляешь, сколько прибамбасов надо ста-
рику, пока он жив. Я слышала, одному волонтеру од-
нажды отдали штукину для кровопускания, представ-
ляешь?

— Это какой же век?

— Конец девятнадцатого — начало двадцатого... Всё,
бегу!

— А с вами можно?

— Нет. Во-первых, тебе нельзя за территорию. Во-
вторых, мне тем более нельзя увозить тебя за террито-
рию в своей машине по нерабочим делам.

Может, она и хотела возразить, но я быстро убежала.
До нужной улицы тут ехать полчаса, но ещё полчаса
я потрачу на болтовню с безутешными родственниками
(они любят поговорить и очень обижаются, когда при-
езжает чужая тётка, молча забирает барахлишко и молча
вывозит). ...Да, надо ещё забежать в корпус переодеть-
ся: видок у меня после заброски не подходящий для
визитов.

* * *

Нужная квартира оказалась, как всегда, на пятом этаже пятиэтажки (ну да, без лифта), и я запыхалась, пока шла по лестнице. Даже задержалась у двери продышаться, прежде чем позвонить. Дверь ещё деревянная, не железная, как у всех, сто лет таких не видела. Открыли сразу. Женщина, лет на десять старше меня и раза в два тоньше. Нездоровое тощее лицо, под глазами отёки. Три невымытые волосины под ободком, спортивный костюм, запах кислятины — то ли от неё, то ли из глубины квартиры.

— Здравствуйте, я из фонда...

— За коляской, что ли? Заходи.

Сразу на «ты», бесит. Я шагнула в коридор, задела чью-то выдающую виды кроссовку, получила по ноге трёхногой табуреткой, отступила, открыв плечом туалет... Чёрт! Запах ударил по ноздрям и пробил до желудка. Улыбаюсь, сдерживая рвотный спазм. Они вообще воду в туалете сливают?

— Стой там, я тебе вынесу. — Тощая ушла, шумно шлёпая тапочками. Я шагнула из туалета, прикрыла за собой дверь. В зеркале коридора отражалась неубранная тёмная комната: огромные ржавые шторы закрывали окна так, что разглядеть было невозможно, что там ещё в комнате есть, кроме этих штор. Да не очень-то и хотелось, если честно. Взять барахлишко — и бежать, пока не стошнило. Эта вроде неразговорчивая, надеюсь не задержит. Квартиры, где недавно умер старик, редко пахнут розами, но это было чересчур. Я отошла от стены, чтобы не касаться засаленных обоев, и конечно опять споткнулась о табуретку.

— Не буянь там, иду.

Сперва в зеркале показалась жёлтая икеевская сумка, и она полетела в меня. Поймала. Даже не заглядывая

внутри легко определить, что там памперсы, одноразовые пелёнки и какая-то прибрлуда в маленьком мягком чехольчике.

— Спасибо. — Открыла входную дверь, выставила на лестницу. Боливар не вынесет двоих.

— Погоди, кресло!

Кресло она добывала долго. Громыкала, кряхтела, ругалась, кажется даже роняла посуду. Наконец в зеркале показались блестящие колёса.

— Вот. Три тыщи, недорого прошу.

Так и знала! Нет, большинство родственников отдают вещи в Дом с радостью и за так — лишь бы забрали, лишь бы не видеть, не наткаться и наконец-то сделать ремонт, чего уж там. Они долго говорят или, наоборот, молча плачут, но есть и исключения. У этой Тощей явно нет в доме лишних вещей. Зачем отдавать за так то, что можно продать? Вот и сейчас просто так ненужное ей кресло не отдаст.

— Я из фонда, — глупо повторила я, хотя до таких не доходит: надо сразу разворачиваться и уходить.

— Ладно, две. Ты учти, что у меня желающих...

В комнате что-то звякнуло, разбилось, послышалось ворчание.

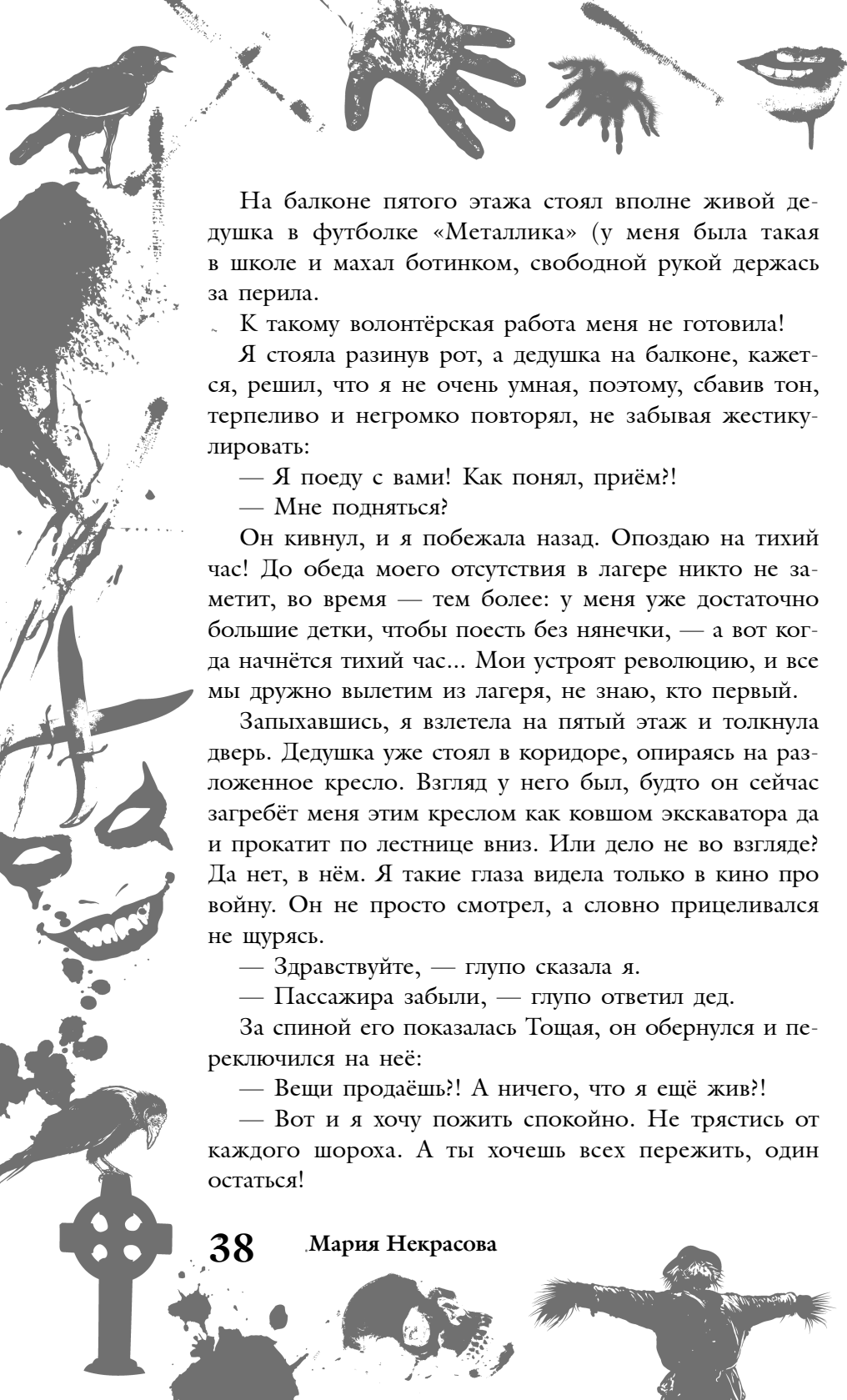
— Заткнись там! — рявкнула Тощая мне в ухо, пульнула на звук ближайшим ботинком, замахала на меня рукой и попятилась в комнату, утаскивая за собой кресло.

* * *

Я вышла из подъезда, щёлкнула брелоком. Нет, наверное, всё-таки надо вернуться...

— Эй, Земля! — голос раздавался сверху. — Меня забыли! Забыли меня!

На балконе пятого этажа стоял вполне живой дедушка в футболке «Металлика» (у меня была такая в школе и махал ботинком, свободной рукой держась за перила.

К такому волонтерская работа меня не готовила!

Я стояла разинув рот, а дедушка на балконе, кажется, решил, что я не очень умная, поэтому, сбавив тон, терпеливо и негромко повторял, не забывая жестиковать:

— Я поеду с вами! Как понял, приём?!

— Мне подняться?

Он кивнул, и я побежала назад. Опоздаю на тихий час! До обеда моего отсутствия в лагере никто не заметит, во время — тем более: у меня уже достаточно большие детки, чтобы поесть без нянечки, — а вот когда начнётся тихий час... Мои устроят революцию, и все мы дружно вылетим из лагеря, не знаю, кто первый.

Запыхавшись, я взлетела на пятый этаж и толкнула дверь. Дедушка уже стоял в коридоре, опираясь на разложенное кресло. Взгляд у него был, будто он сейчас загребёт меня этим креслом как ковшом экскаватора да и прокатит по лестнице вниз. Или дело не во взгляде? Да нет, в нём. Я такие глаза видела только в кино про войну. Он не просто смотрел, а словно прицеливался не шурясь.

— Здравствуйте, — глупо сказала я.

— Пассажира забыли, — глупо ответил дед.

За спиной его показалась Тошя, он обернулся и переключился на неё:

— Вещи продашь?! А ничего, что я ещё жив?!

— Вот и я хочу пожить спокойно. Не трястись от каждого шороха. А ты хочешь всех пережить, один остаться!

Они пререкались, а я соображала, что делать. Звонить в фонд, звонить в Дом, звонить в опеку, ещё куда... На что рассчитывала Тощая, эта добренькая родственница, когда хотела избавиться от дедушкиного барахла при нём живом, я после подумаю. Сейчас надо...

— Я должна позвонить! — Я достала трубку, и, пока листала телефонную книгу, что-то ударило меня под колени. Я свалилась на мягкое и поехала по ступенькам вниз.

* * *

Копчик больно врезался в перила, отделяющие лестничную площадку от окна. Хорошо, что врезался, а то вылетела бы сейчас штанами вперёд с пятого этажа. Я торчала на лестничном пролёте, стоя коленями на коляске. Это он меня, значит, под колени этой коляской вниз и прокатил... Сильный дедулька!

Сильный дедулька спускался по лестнице бочком, держась двумя руками за перила, и напевал под нос «С горочки на саночках ку-выр-ком». Я всё ещё сжимала в руке телефон:

— Подождите, я должна сперва позвонить!

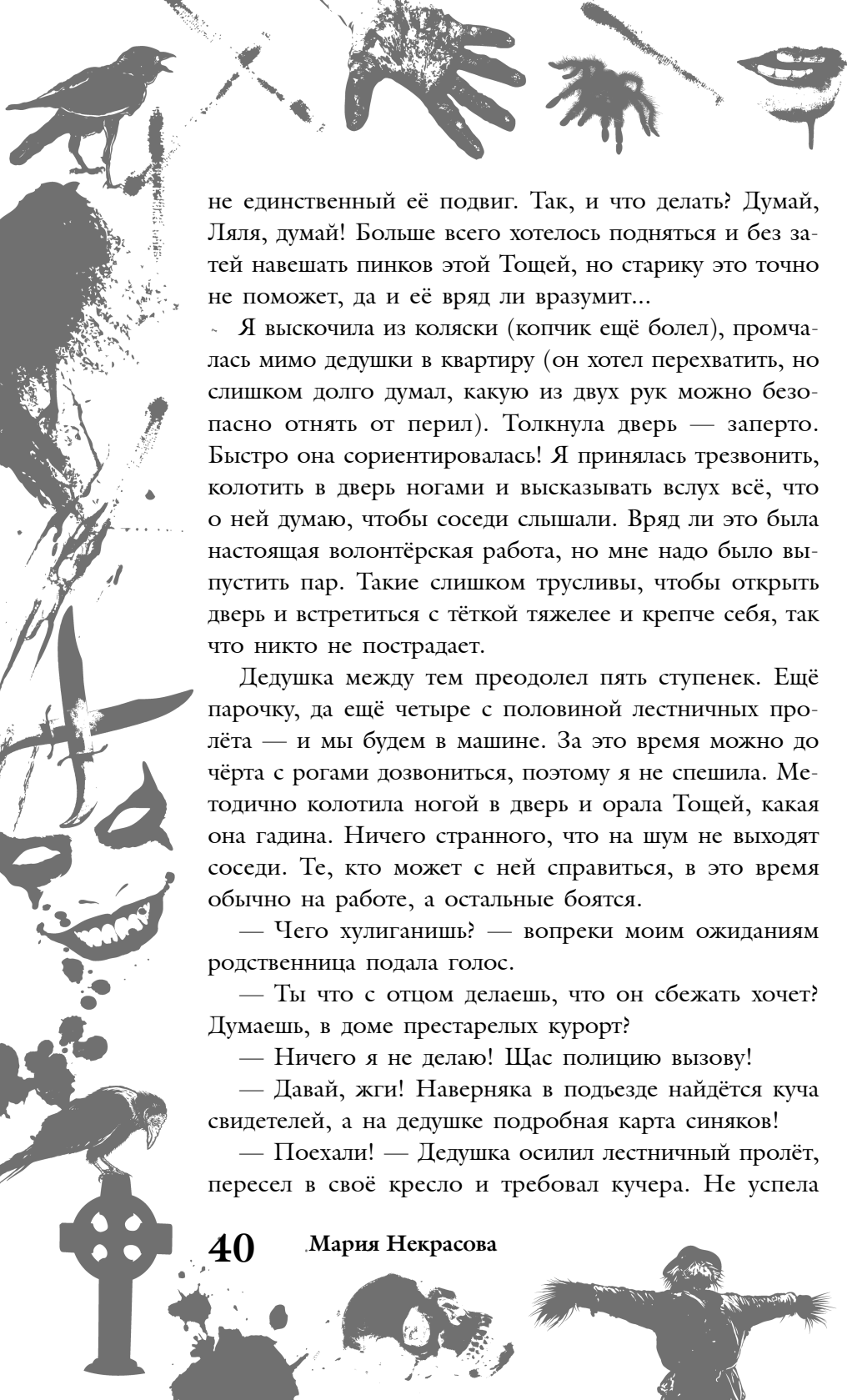
— Чего звонить — сматываться надо!

— Куда? Вас с улицы никто не примет, нужна путёвка, медкомиссия... А я вообще в детском лагере работаю!

Дед смачно выругался, но спускаться продолжил, напевая свою песенку.

Съездила за колясочкой! Что ж тут творится-то, что крепкий дедок хочет сбежать из собственного дома? Я много слышала о жестоком обращении со стариками, но столкнулась, честно говоря, впервые. Если Тощая коляску его продать хотела, подозреваю, что это

не единственный её подвиг. Так, и что делать? Думай, Ляля, думай! Больше всего хотелось подняться и без затей навешать пинков этой Тощей, но старику это точно не поможет, да и её вряд ли вразумит...

Я выскочила из коляски (копчик ещё болен), промчалась мимо дедушки в квартиру (он хотел перехватить, но слишком долго думал, какую из двух рук можно безопасно отнять от перил). Толкнула дверь — заперто. Быстро она сориентировалась! Я принялась трезвонить, колотить в дверь ногами и высказывать вслух всё, что о ней думаю, чтобы соседи слышали. Вряд ли это была настоящая волонтерская работа, но мне надо было выпустить пар. Такие слишком трусливы, чтобы открыть дверь и встретиться с тёткой тяжелее и крепче себя, так что никто не пострадает.

Дедушка между тем преодолел пять ступенек. Ещё парочку, да ещё четыре с половиной лестничных пролёта — и мы будем в машине. За это время можно до чёрта с рогами дозвониться, поэтому я не спешила. Методично колотила ногой в дверь и орала Тощей, какая она гадина. Ничего странного, что на шум не выходят соседи. Те, кто может с ней справиться, в это время обычно на работе, а остальные боятся.

— Чего хулиганишь? — вопреки моим ожиданиям родственница подала голос.

— Ты что с отцом делаешь, что он сбежать хочет? Думаешь, в доме престарелых курорт?

— Ничего я не делаю! Щас полицию вызову!

— Давай, жги! Наверняка в подъезде найдётся куча свидетелей, а на дедушке подробная карта синяков!

— Поехали! — Дедушка осилил лестничный пролёт, пересел в своё кресло и требовал кучера. Не успела

я повернуть голову, как щёлкнул замок, распахнулась дверь, оттуда выпорхнуло весёлое синенькое ведро и окатило меня водой. Дверь захлопнулась.

— Дура, это для засолки ведра! — прокомментировал дедушка.

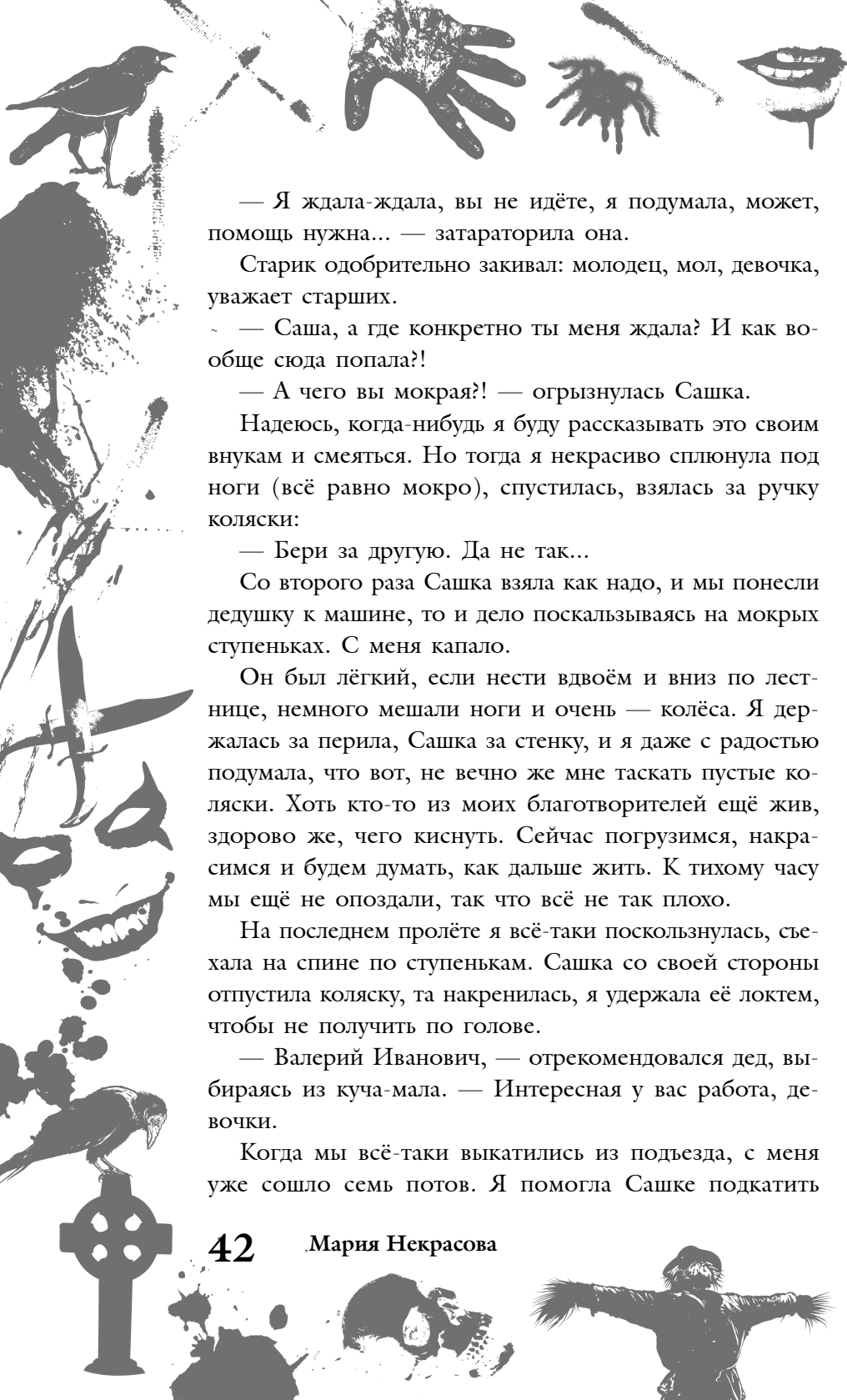
— Ляля Евгеньевна, вы чего? — Голос был знакомый. Я протёрла глаза, с ужасом думая, как сейчас выглядят мои размазанные брови, проморгалась. Вниз через перила резво стекали струйки воды. На площадке рядом с коляской стояла Сашка.

Глава II

— Та-ак! — Обычно это срабатывает, если произносить с нужной интонацией. Моя собака, например, не знала команд, но знала моё «Та-ак!». Это может значить что угодно — «не лезь в мусор», «брысь с дивана», «не уходи со двора» — вместо тысячи слов. Короткого «та-ак» достаточно, чтобы она поджала хвост и вспомнила о приличиях. С детьми, честно говоря, тоже срабатывает, если применять редко и по делу. Даже с Лёликом сработало однажды, когда он хотел взорвать петарду на парковке. Я как раз возвращалась с очередной вылазки в Дом, где успела поцапаться с охранником, и видок у меня был решительный. Лёлик погасил спичку и даже положил в карман — вот как это сработало! Но произносить такое заклинание стоя в луже с мокрой башкой и потёкшими размазанными бровями, наверное, не очень эффективно.

Дедушка одобрительно смотрел на Сашку, Сашка — ошалело на меня.

— Я ждала-ждала, вы не идёте, я подумала, может, помощь нужна... — затараторила она.

Старик одобрительно закивал: молодец, мол, девочка, уважает старших.

— Саша, а где конкретно ты меня ждала? И как вообще сюда попала?!

— А чего вы мокрая?! — огрызнулась Сашка.

Надеюсь, когда-нибудь я буду рассказывать это своим внукам и смеяться. Но тогда я некрасиво сплюнула под ноги (всё равно мокро), спустилась, взялась за ручку коляски:

— Бери за другую. Да не так...

Со второго раза Сашка взяла как надо, и мы понесли дедушку к машине, то и дело поскользываясь на мокрых ступеньках. С меня капало.

Он был лёгкий, если нести вдвоём и вниз по лестнице, немного мешали ноги и очень — колёса. Я держалась за перила, Сашка за стенку, и я даже с радостью подумала, что вот, не вечно же мне таскать пустые коляски. Хоть кто-то из моих благотворителей ещё жив, здорово же, чего киснуть. Сейчас погрузимся, накроемся и будем думать, как дальше жить. К тихому часу мы ещё не опоздали, так что всё не так плохо.

На последнем пролёте я всё-таки поскользнулась, съехала на спине по ступенькам. Сашка со своей стороны отпустила коляску, та накренилась, я удержала её локтем, чтобы не получить по голове.

— Валерий Иванович, — отрекомендовался дед, выбираясь из куча-мала. — Интересная у вас работа, девочки.

Когда мы всё-таки выкатились из подъезда, с меня уже сошло семь потов. Я помогла Сашке подкатить

коляску к машине и велела грузить дедушку на заднее сиденье. Закинула в багажник коляску и сумку и опять достала телефон. Из всех подходящих телефонов у меня нашёлся только номер кураторши, которая присылала мне адреса. В Ватсапе. Над аватаркой с задницей хомяка (представляю, как она в жизни выглядит) стояло вычурное имя «Елизавета». Позвонила. Сперва она долго не отвечала на мой звонок, потом долго не могла понять, о чём я толкую... В конце концов она обещала помочь, но голос при этом был такой, что сразу стало ясно: пристраивать старика в Дом мне придётся самой.

* * *

Дедушка пытался захлопнуть дверцу машины. Он уже сидел внутри, Сашка стояла рядом и пыталась помочь, но он ей мешал. Я шуганула обоих, хлопнула дверью. Сашка быстренько уселась впереди, пока я не успела возразить, и тут что-то тяжело ударило по капоту. Я подняла глаза.

— Едем уже! — заволновался дедушка.

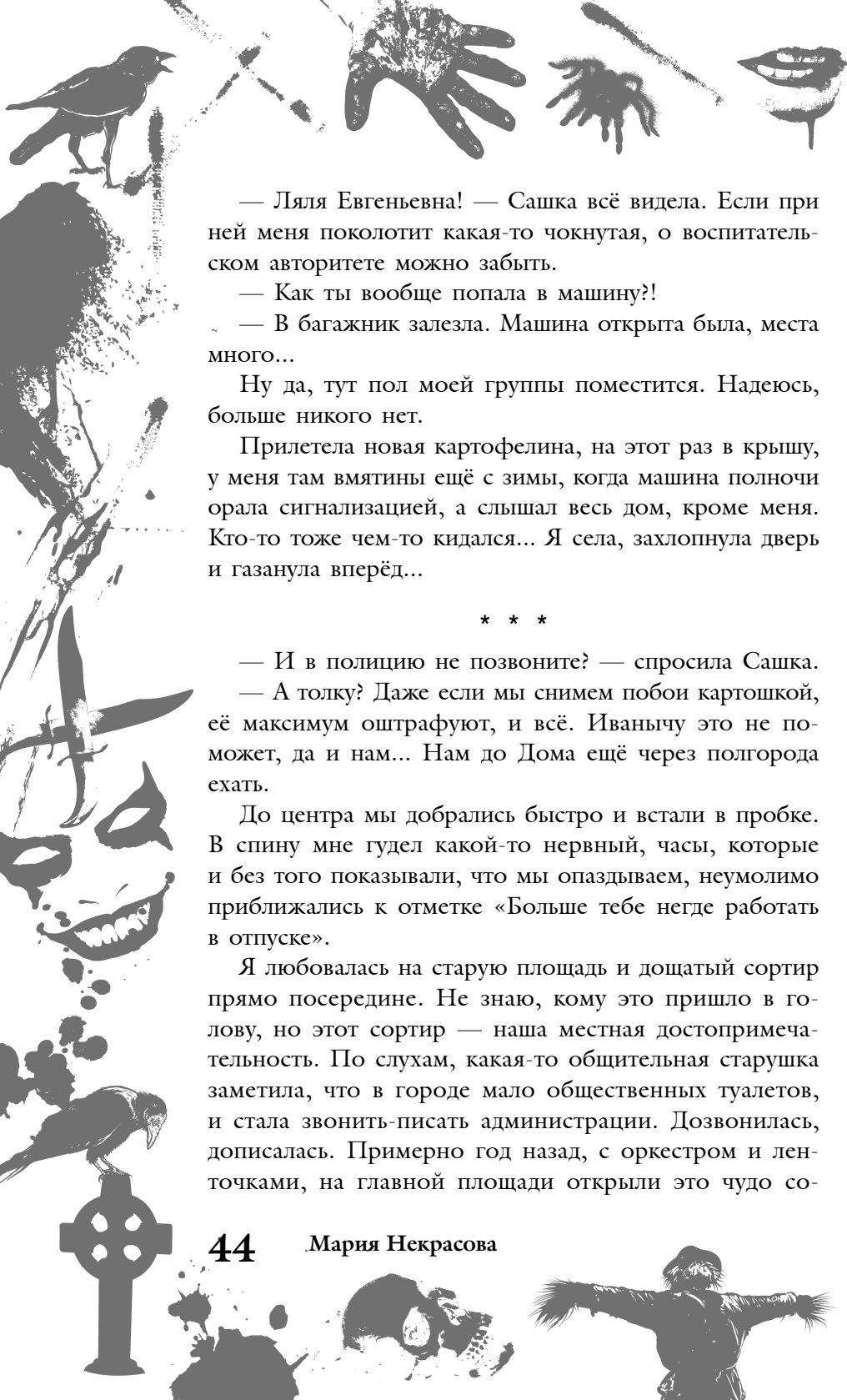
— Проваливай! — донеслось откуда-то сверху, и в плечо мне метко прилетел... по ощущениям камень, но отскочила и запрыгала по асфальту гнилая картофелина. Я подняла голову. На балконе стояла Тощая и замахивалась для броски очередной картофелиной.

— Я сейчас поднимусь. — Я старалась говорить строго, но когда в тебя кидаются картошкой, получается не так убедительно.

— Вали!

Я успела уклониться от новой картофелины, она попала в окно и отскочила под ноги.

— Ляля Евгеньевна! — Сашка всё видела. Если при ней меня поколотит какая-то чокнутая, о воспитательском авторитете можно забыть.

— Как ты вообще попала в машину?!

— В багажник залезла. Машина открыта была, места много...

Ну да, тут пол моей группы поместится. Надеюсь, больше никого нет.

Прилетела новая картофелина, на этот раз в крышу, у меня там вмятины ещё с зимы, когда машина полночи орала сигнализацией, а слышал весь дом, кроме меня. Кто-то тоже чем-то кидался... Я села, захлопнула дверь и газанула вперёд...

* * *

— И в полицию не позвоните? — спросила Сашка.

— А толку? Даже если мы снимем побои картошкой, её максимум оштрафуют, и всё. Иваньчу это не поможет, да и нам... Нам до Дома ещё через полгорода ехать.

До центра мы добрались быстро и встали в пробке. В спину мне гудел какой-то нервный, часы, которые и без того показывали, что мы опаздываем, неумолимо приближались к отметке «Больше тебе негде работать в отпуске».

Я любовалась на старую площадь и дощатый сортир прямо посередине. Не знаю, кому это пришло в голову, но этот сортир — наша местная достопримечательность. По слухам, какая-то общительная старушка заметила, что в городе мало общественных туалетов, и стала звонить-писать администрации. Дописалась, дописалась. Примерно год назад, с оркестром и ленточками, на главной площади открыли это чудо со-

временной архитектуры. Серьёзно, даже зрители были! Дощатый сарай-сортир, покрытый блестящей олифой, аж сверкает на солнышке! На три места, только без перегородок внутри — зачем нам эти излишества! Этих синих штук с абсорбентами тоже нет. Даже дыр для этих абсорбентов нету — забыли сделать! Я когда в газете прочла — не поверила, пока сама не нашла времени сбегать на площадь и посмотреть. Всё так: сортир, которым никто не пользуется, потому что невозможно. Во сколько он обошёлся городу, я боюсь гадать: недвижимость в районе площади стоит, наверное, как в Москве, а в сортире метров, наверное, пять... Мы тогда с Ленкой смеялись, что эту недвижимость в центре можем себе позволить.

...За нелепой сверкающей сараюхой-сортиром торчал цветной шатёр, исписанный блестящими буквами: «Цирк шапито». Сводить, что ли, своих — на класс сделают скидку?

— Смотри, Саш, — я кивнула на цирк.

Сашка вздрогнула, вынырнув из своих мыслей, глянула...

— Садюги!

Я даже не поняла сразу, но Сашка развила мысль:

— Простите, Ляля Евгеньевна, но меня просто бесит, когда животных мучают!

— Господь их накажет, — подал голос Иваныч. Наверное, все старики так говорят, чтобы утешить детей.

— Точно! В другой жизни они будут черепахами!

— Почему черепахами?

— Обидно, когда позвоночник вынесен наружу, да ещё развёрнут навстречу всем палкам, камням и плевкам. И убежать толком не можешь...

Не знала про позвоночник: думала, панцирь и панцирь.

* * *

У проходной Дома нас уже ждали, я вообще такого не видела никогда. Обычно я битый час пререкаюсь с охраной, чтобы пустила машину на территорию, потом, проиграв в очередной раз, пререкаюсь, чтобы охрана меня разгрузила и отнесла барахлишко в Дом, потом, опять проиграв, — чтобы меня с барахлишком пустили на территорию и не забыли выпустить (последнее сложнее всего, они там считают себя юмористами и гогочут: «Сиди, бабуля», пока на них не наорёшь и не пригрозишь Европейским судом).

А в этот раз прям встречали! Две сестрички в медицинских робах и одна постарше, в костюме, должно быть, какая-нибудь заведующая. Только вот ворота проходной были прикрыты: не наглухо, но достаточно, чтобы не заехать. Я припарковалась рядом и не успела поставить на ручник, как к машине подошла эта в костюме и постучала в окошечко.

«Сейчас выйду», — показала я, но она сама открыла дверь — и с ходу:

— Мы не можем вас принять сейчас.

Кто бы сомневался! Я стиснула зубы, превратив озверелый оскал в подобие улыбки, Сашка шумно выдохнула, старик на заднем сиденье что-то прорычал.

— Почему? — Я старалась говорить как можно равнодушнее.

Заведующая (или кто она там) наклонилась ко мне через опущенное стекло, хотела что-то сказать, но Иваныч на заднем сиденье возмутился:

— Я паспорт взял! — В подтверждение своих слов он шумно, с жужжанием молнии, распахнул спортивную куртку. Из внутреннего кармана торчала коричневая корочка, как будто это могло помочь.

Заведующая вздрогнула от неожиданности, дёрнула головой, ударилась о дверь. Откуда такая нервозность в таком спокойном месте?

— Знаю, — говорю. — Фонд предупреждал, что...

Она замахала руками и показала на проходную:

— У нас ЧП. Бабушка... Умерла, — сказала заведующая домом престарелых. — Весь персонал на ногах, никто просто не сможет заняться вашим дедушкой. Погуляйте хотя бы сутки, заодно начнёте собирать документы...

Я слышала в жизни вещи и поглупее, но на всякий случай переспросила:

— В доме престарелых умерла бабушка — и работа встала?

— Да нет же... — заведующая покраснела и уставилась почему-то на Сашку. Сашка дёргала меня за рукав и показывала на приоткрытые ворота проходной.

Я посмотрела — и наконец заметила, что весь почётный караул из заведующей и сестёр вышел встречать не нас. В полуоткрытые ворота был виден кусок территории, там стояли две машины, полицейская и «Скорая», вокруг них суетились человек шесть в двух разных формах. Один сержантик курил у самых ворот.

Сашка сообразила первой:

— Её убили, да?

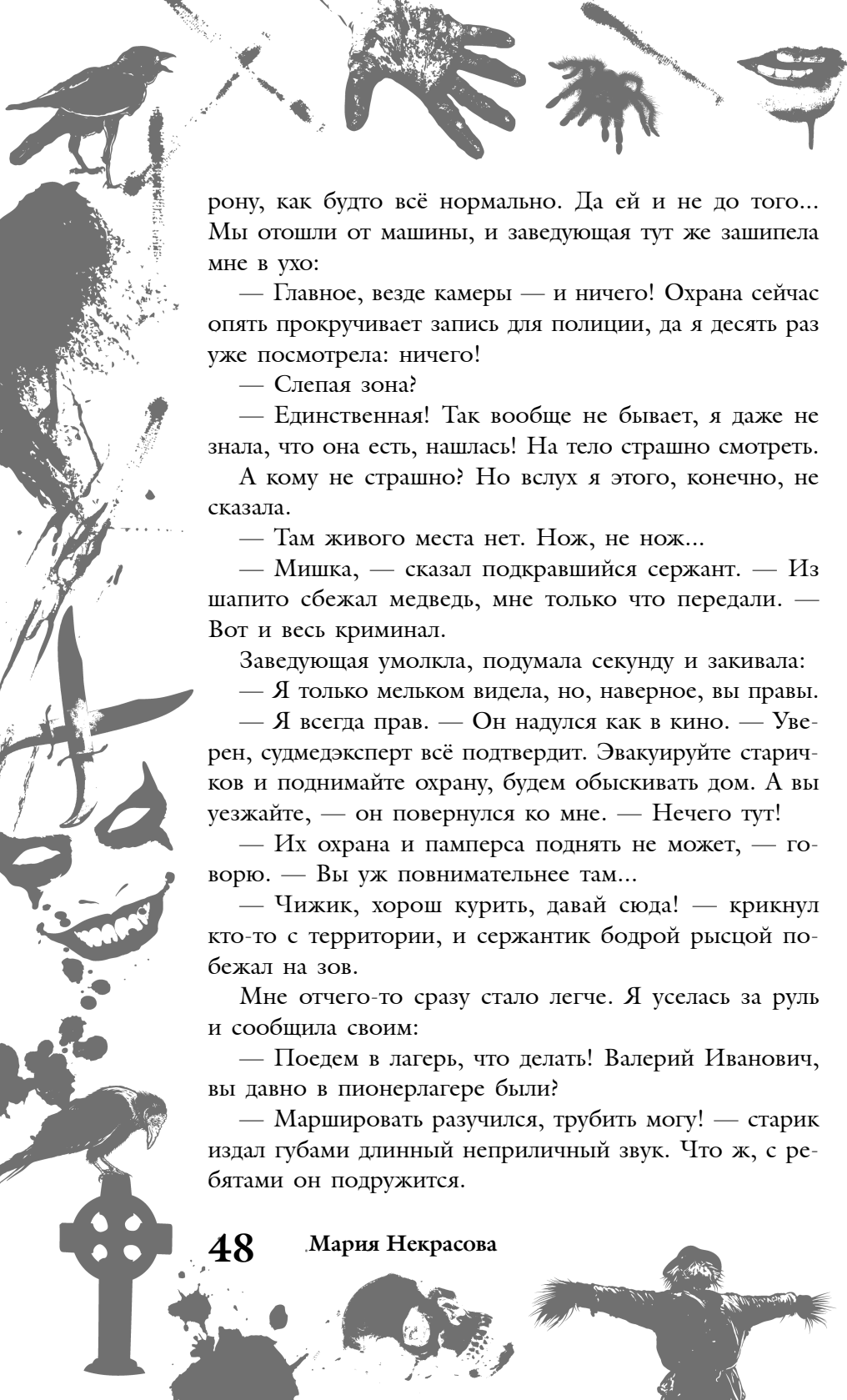
Заведующая бросила на неё оскорблённый взгляд «Это кто вообще?!»

— Домой ему нельзя! — вступилась Сашка. — Эта мегера...

— Да, её убили! — не выдержала заведующая. — Я всё понимаю, но сейчас безопаснее дома, чем у нас!

Я вышла из машины, хлопая мокрой обувью. Заведующая только вскинула брови и тут же уставилась в сто-

рону, как будто всё нормально. Да ей и не до того... Мы отошли от машины, и заведующая тут же зашипела мне в ухо:

— Главное, везде камеры — и ничего! Охрана сейчас опять прокручивает запись для полиции, да я десять раз уже посмотрела: ничего!

— Слепая зона?

— Единственная! Так вообще не бывает, я даже не знала, что она есть, нашлась! На тело страшно смотреть.

А кому не страшно? Но вслух я этого, конечно, не сказала.

— Там живого места нет. Нож, не нож...

— Мишка, — сказал подкравшийся сержант. — Из шапито сбежал медведь, мне только что передали. — Вот и весь криминал.

Заведующая умолкла, подумала секунду и закивала:

— Я только мельком видела, но, наверное, вы правы.

— Я всегда прав. — Он надулся как в кино. — Уверен, судмедэксперт всё подтвердит. Эвакуируйте старичков и поднимайте охрану, будем обыскивать дом. А вы уезжайте, — он повернулся ко мне. — Нечего тут!

— Их охрана и памперса поднять не может, — говорю. — Вы уж повнимательнее там...

— Чижик, хорош курить, давай сюда! — крикнул кто-то с территории, и сержантик бодрой рысцой побежал на зов.

Мне отчего-то сразу стало легче. Я уселась за руль и сообщила своим:

— Поедем в лагерь, что делать! Валерий Иванович, вы давно в пионерлагере были?

— Маршировать разучился, трубить могу! — старик издал губами длинный неприличный звук. Что ж, с ребятами он подружится.

Глава III

В лагерь мы влетели за тридцать секунд до тихого часа. Сашка первая выскочила из машины, открыла, багажник, разложила кресло. Когда я вылезла, она уже грузила туда Иваныча.

— Бежим! Опоздаем на тихий час — в углу будем стоять все! А я ещё и полы мыть...

— Ну, если к коляске швабру привязать, то и я помою! — Иваныч хихикал и медленно усаживался, помогая себе неходячими ногами.

Я цапнула из багажника сумку с его приданым, закинула на плечо, щёлкнула брелоком:

— Вот теперь бежим!

Где-то за моей спиной рывкнул громкоговоритель:

— Саша Аленьсеева, вторая группа, возвращайся в корпус.

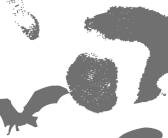
— Хватились меня! — буркнула Сашка.

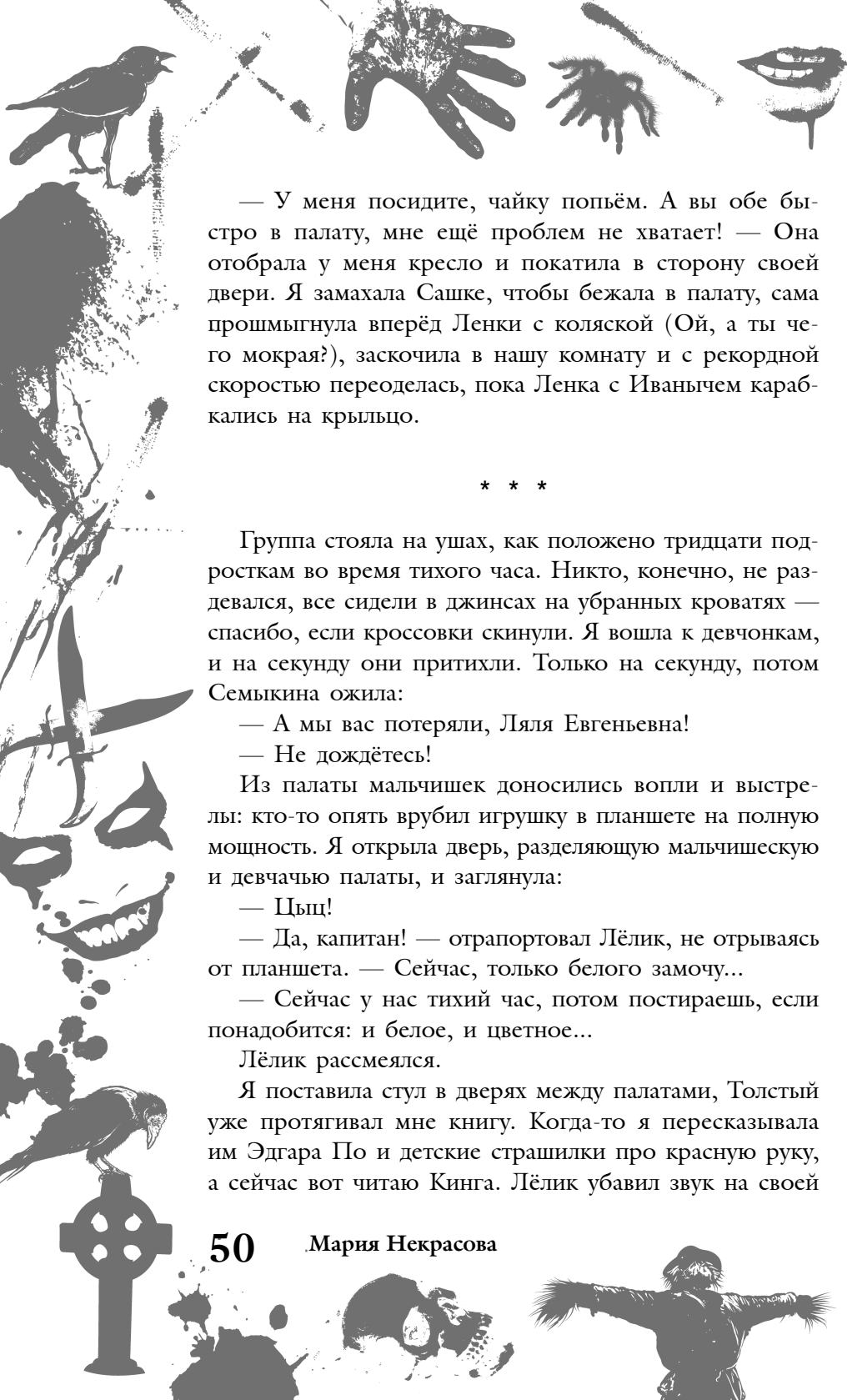
— А ты как думала? — говорю. — Объясняйся теперь.

Лена сидела на крыльце корпуса и уже увидела нас. Мысленно я вжала голову в плечи и грохнулась в обморок — на всякий случай. Одно дело, когда подросток загулял, другое — когда подросток загулял где-то с твоим помощником, да ещё старикана какого-то с собой привёз. Впрочем, Ленка истолковала всё по-своему:

— Саша, если к тебе приехал дедушка, это не повод опаздывать на тихий час. А вас я попрошу помнить, что родительские часы у нас после шестнадцати, когда дети уже не спят. Она нарушает режим, а нам потом...

— Что ж мне, на улице жить?! — возмутился Иваныч.

— У меня посидите, чайку попьём. А вы обе быстро в палату, мне ещё проблем не хватает! — Она отобрала у меня кресло и покатила в сторону своей двери. Я замахала Сашке, чтобы бежала в палату, сама прошмыгнула вперёд Ленки с коляской (Ой, а ты чего мокрая?), заскочила в нашу комнату и с рекордной скоростью переоделась, пока Ленка с Иванычем карабкались на крыльцо.

* * *

Группа стояла на ухах, как положено тридцати подросткам во время тихого часа. Никто, конечно, не раздевался, все сидели в джинсах на убранных кроватях — спасибо, если кроссовки скинули. Я вошла к девчонкам, и на секунду они притихли. Только на секунду, потом Семькина ожила:

— А мы вас потеряли, Ляля Евгеньевна!

— Не дождётесь!

Из палаты мальчишек доносились вопли и выстрелы: кто-то опять врубил игрушку в планшете на полную мощность. Я открыла дверь, разделяющую мальчишескую и девчачью палаты, и заглянула:

— Цыц!

— Да, капитан! — отрапортовал Лёлик, не отрываясь от планшета. — Сейчас, только белого замочу...

— Сейчас у нас тихий час, потом постираешь, если понадобится: и белое, и цветное...

Лёлик рассмеялся.

Я поставила стул в дверях между палатами, Толстый уже протягивал мне книгу. Когда-то я пересказывала им Эдгара По и детские страшилки про красную руку, а сейчас вот читаю Кинга. Лёлик убавил звук на своей

стрелялке, и это следовало рассматривать как благородный жест воспитанного мальчика.

Я открыла книгу и стала читать, краем глаза поглядывая на ребят. Лёлик, Профессор и Влад так и сидели, уткнувшись в свои планшеты. Я знала, что они слушают, но всё равно было обидно. Из девчонок только Семькина не отложила телефон и всё время тыкала пальцем в экран. У неё дома что-то не ладится, так что пускай. Краем уха она всё равно меня слышит, и от этого ей становится легче.

Хурма каждый раз ворчит, когда видит у меня ужастик: «Да что это, да это не учит добру!..» Знала бы она, как виртуозно я научилась смягчать кинговские ругательства! Не делая пауз в чтении, я с ходу подбираю смешной эвфемизм к самому грязному словечку так, что все хохочут. «Король тухлых огурцов», «стриженная выдра», «каша из грязных кедов»... Кажется, дети даже не догадываются, что это моя работа, а не автора. То-то будет сюрприз, если лет через -дцать они решат перечитать эти книжки.

— Из шапито мишка сбежал, — выдал Профессор, не отрываясь от планшета. — И задрал старушку в доме престарелых.

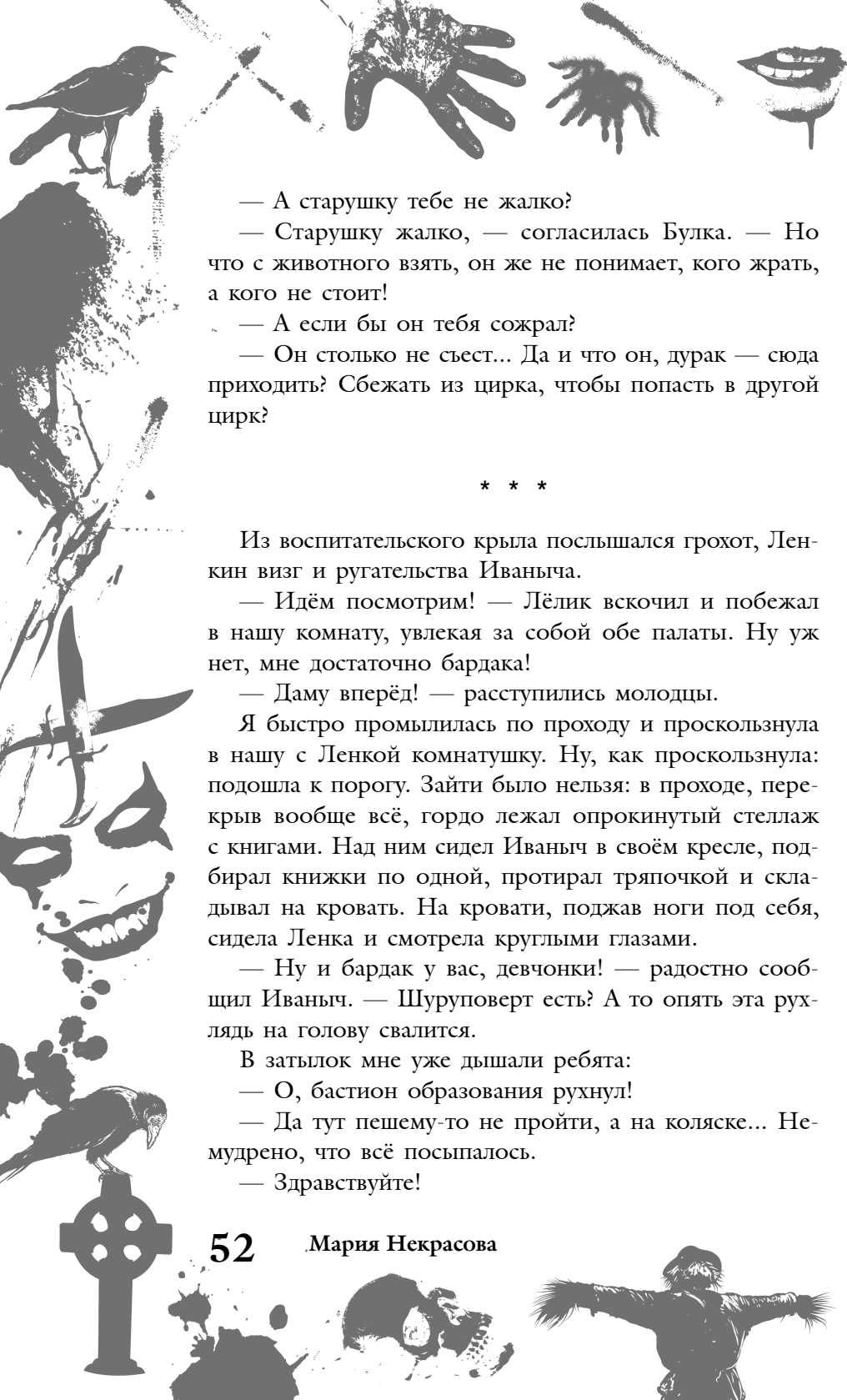
...Но иногда миры Стивена Кинга смешиваются с нашим собственным. Это не по правилам, так нельзя! Неудивительно, что дети нервничают и спешат доложить взрослым. Как будто я что-то могу с этим поделаться!

— Знаю, — говорю. — Поймали?

— Да куда там! — Профессор поёжился как от холода. — Даже не нашли!

— Ну и слава богу, — сказала Булка. — Животные должны жить на свободе. Доберётся до леса — и прости-прощай.

— А старушку тебе не жалко?

— Старушку жалко, — согласилась Булка. — Но что с животного взять, он же не понимает, кого жрать, а кого не стоит!

— А если бы он тебя сожрал?

— Он столько не съест... Да и что он, дурак — сюда приходиться? Сбежать из цирка, чтобы попасть в другой цирк?

* * *

Из воспитательского крыла послышался грохот, Ленкин визг и ругательства Иваныча.

— Идём посмотрим! — Лёлик вскочил и побежал в нашу комнату, увлекая за собой обе палаты. Ну уж нет, мне достаточно бардака!

— Даму вперёд! — расступились молодцы.

Я быстро промылилась по проходу и проскользнула в нашу с Ленкой комнатку. Ну, как проскользнула: подошла к порогу. Зайти было нельзя: в проходе, перекрыв вообще всё, гордо лежал опрокинутый стеллаж с книгами. Над ним сидел Иваныч в своём кресле, подбирал книжки по одной, протирал тряпочкой и складывал на кровать. На кровати, поджав ноги под себя, сидела Ленка и смотрела круглыми глазами.

— Ну и бардак у вас, девчонки! — радостно сообщил Иваныч. — Шуруповерт есть? А то опять эта рухлядь на голову свалится.

В затылок мне уже дышали ребята:

— О, бастион образования рухнул!

— Да тут пешему-то не пройти, а на коляске... Немудрено, что всё посыпалось.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, — улыбнулся Иваныч. — Что ж вы в таком бардаке-то живёте, молодёжь? Ну-ка слетайте за инструментами!

Толстый уже пробирался по коридору к техническому шкафчику, где, наверное, должны храниться какие-то инструменты, но это не точно.

Лёлик с бандой демонстративно утёк обратно в палату, чтобы там уткнуться в свою стрелялку, остальные затанцевали вокруг Иваныча, подавая откопанные в шкафчике инструменты и раздавая советы. Сашка с Владом помогли ему взгромоздиться на табуретку и стояли, подпирая плечами, как верные пажы, пока старик закреплял стеллаж.

— Вообще-то у них тихий час, — пискнула Ленка.

— Ляля Евгеньевна читает нам ужастики! — подержал Профессор.

Иваныч разулыбался:

— Про привидений небось?

— Не...

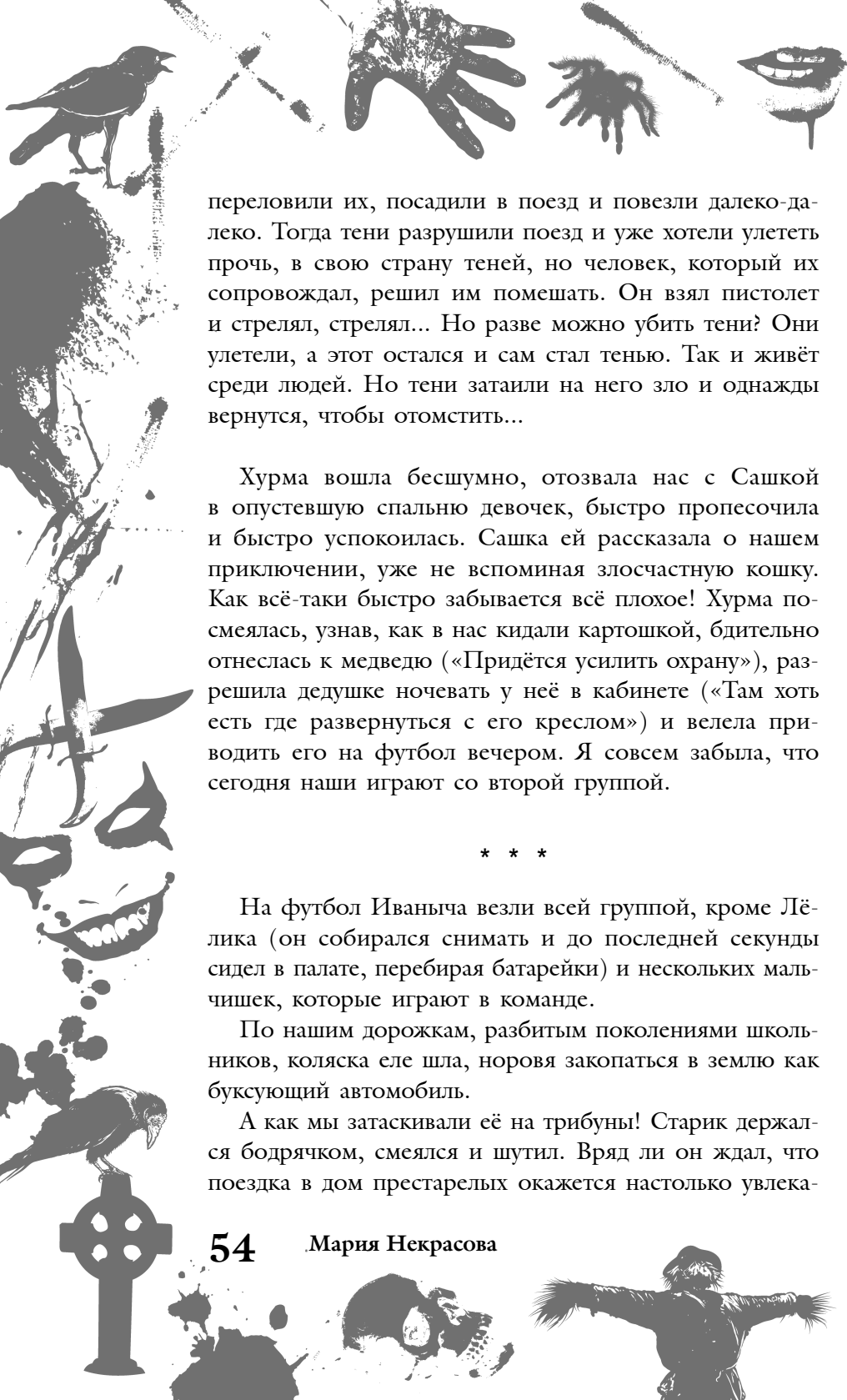
— А я знаю про привидений. Точнее, про тени. Рассказать?

Все наперебой заголосили: конечно, интересно послушать свежую истории, да и в кровать идти неохота.

— Тени всегда живут рядом с людьми. Вы их не замечаете, а они рядом. Они могут задеть вас плечом в толпе, вы даже почувствуете, но сразу забудете. Потому что тени незаметны. Они могут убивать, разрушать дома и стены, а могут быть тихими и годами не показываться на глаза.

Однажды люди собрались, поймали сразу много теней и посадили в тюрьму. Они думали, что это тени виноваты во всех на свете смертях, убийствах и бедах. Тени разрушили тюрьму, но не освободились: люди

переловили их, посадили в поезд и повезли далеко-далеко. Тогда тени разрушили поезд и уже хотели улететь прочь, в свою страну теней, но человек, который их сопровождал, решил им помешать. Он взял пистолет и стрелял, стрелял... Но разве можно убить тени? Они улетели, а этот остался и сам стал тенью. Так и живёт среди людей. Но тени затаили на него зло и однажды вернутся, чтобы отомстить...

Хурма вошла бесшумно, отозвала нас с Сашкой в опустевшую спальню девочек, быстро пропесочила и быстро успокоилась. Сашка ей рассказала о нашем приключении, уже не вспоминая злосчастную кошку. Как всё-таки быстро забывается всё плохое! Хурма посмеялась, узнав, как в нас кидали картошкой, бдительно отнеслась к медведю («Придётся усилить охрану»), разрешила дедушке ночевать у неё в кабинете («Там хоть есть где развернуться с его креслом») и велела приводить его на футбол вечером. Я совсем забыла, что сегодня наши играют со второй группой.

* * *

На футбол Иваныча везли всей группой, кроме Лёлика (он собирался снимать и до последней секунды сидел в палате, перебирая батарейки) и нескольких мальчишек, которые играют в команде.

По нашим дорожкам, разбитым поколениями школьников, коляска еле шла, норовя закопаться в землю как буксующий автомобиль.

А как мы затаскивали её на трибуны! Старик держался бодрячком, смеялся и шутил. Вряд ли он ждал, что поездка в дом престарелых окажется настолько увлека-

тельной. Ну а когда матч начался, думаю, он вообще забыл всё на свете.

Нет, я не очень люблю футбол. Мне интересно наблюдать за зрителями. Здесь все как будто снимают маски и становятся собой. У мальчишек непроизвольно дёргаются ноги, даже у Иваныча, девчонки так и тянутся закрыть руками лицо, все орут, потому что на футболе можно, даже ругаются, а воспитатели делают вид, что ничего не замечают — потому что когда ещё детям выпустить пар?

То, что мои продуют, было ясно с самого начала: команда соперников хоть и моложе на год, но в школе ходит на футбольные тренировки, не то что мои разгильдяи. Я заранее готовилась к нелёгкому вечеру, думала, как буду их утешать, и придумала. К началу второго тайма я тихонько ускользнула, оставив своих на Иваныча с Ленкой.

* * *

Шлагбаум пришлось поднимать самой: охранник на входе, похоже, под шумок тоже смотался смотреть футбол. Я справилась, не впервой, но не поленилась приклеить недопитую чашку к столу (я виновата, что клей на глаза попался?) и оставить дурацкую записку, чтобы охранник Петрович не расслаблялся:

«Мёда нет, малины нет, даже охраны нет! Что вы едите тут в этом лагере?! Обиделся и больше не приду.

Медведь».

Я была довольна своим творчеством. Прислонила записку к монитору, быстренько прыгнула в машину и уехала. Нет, шлагбаум не опустила — ещё чего!

По вечерним пробкам я протолкалась, наверное, час до ларька с мороженым и обратно (да, мороженое — это лучший способ утешить хоть одного подростка, хоть целую футбольную команду), и не сомневалась, что к моему возвращению со стадиона уже все разойдутся и отправятся по корпусам: кто — праздновать, кто — грустить, кто — обсуждать, какие эти старшие косоногие. Шлагбаум был по-прежнему поднят, и Петровича не было, и это странно: неужели матч так затянулся? Я быстренько проскочила на парковку, достала свою сумку-холодильник и побежала к своим.

* * *

Народ потихоньку возвращался со стадиона. Я столкнулась с мелкотой, которые живо обсуждали медведя (вот и до малышей доходят новости из социальных сетей), долго их обходила, а когда встретила своих, меня оглушил Влад:

— На стадион приехал медведь на самокате! Вы всё пропустили, Ляля Евгеньевна!

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы переварить новость и вернуть человеческое лицо:

— Ну да, он цирковой... Не поймали?

— Не-а. Он только кружок сделал по стадиону, а когда все завопили, испугался и укатил. Петрович за ним погнался на велике да тренер свистел ещё минут пять...

— Бедное животное! Думаю, он уже далеко.

— А наши продули пять—ноль.

— Зато им есть кого винить, — подошла Сашка, толкая дедову коляску.

— Как вам футбол, Иваныч?

Дед показал большой палец и стал рассказывать мне про медведя.

* * *

Потом мальчишки повезли Иваныча в кабинет Хурмы устраивать на ночь, потом мы читали, но больше обсуждали медведя, потом я всё-таки упала на свой дорогой диванчик, не веря, что этот день наконец-то кончился.

Глава IV

Провалилась я сразу как легла. И когда застучали в стекло, ещё минут пять отмахивалась, думая, что мне это снится. Когда забарабанили особо настойчиво, я, не проснувшись толком, встала и пошла к двери с одной мыслью: убью!

Из распахнутой двери пахнуло холодком, фонарь над крыльцом осветил облезлые доски и старую тряпку, о которую вытирают ноги. Далеко впереди белели щиты баскетбольной коробки и блестели фонарики над входами в соседние корпуса. Я спустилась, чтобы глянуть на окно снаружи (ветка, что ли?), прекрасно зная, что никакой ветки там нет.

— Что за шуточки среди ночи? Поймаю — убью.

Ветер шумно свистнул мне в ответ, хлопнул дверью так, что стёкла в окне задрезбжали. Прохладно. Поднялась в корпус, заперла дверь, рухнула досыпать.

— Кто там? — сонно спросила Ленка.

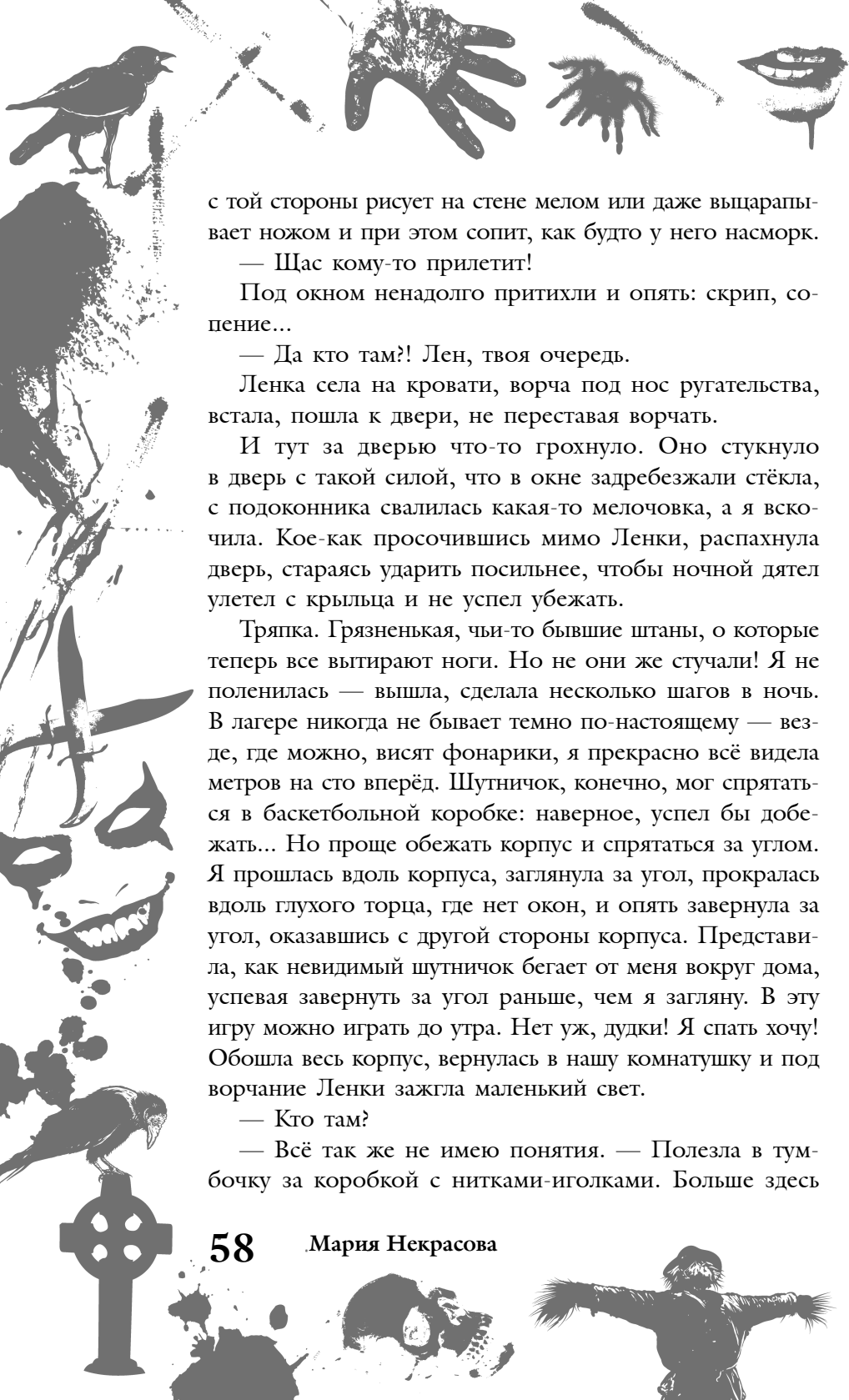
— Шутнички.

— Чьи?

— Не видела.

Я уже снова провалилась в сон, когда под окном пошшались возня. В этот раз не стук, а так, будто кто-то

с той стороны рисует на стене мелом или даже выцарапывает ножом и при этом сопит, как будто у него насморк.

— Шас кому-то прилетит!

Под окном ненадолго притихли и опять: скрип, сопение...

— Да кто там?! Лен, твоя очередь.

Ленка села на кровати, ворча под нос ругательства, встала, пошла к двери, не переставая ворчать.

И тут за дверью что-то грохнуло. Оно стукнуло в дверь с такой силой, что в окне задребезжали стёкла, с подоконника свалилась какая-то мелочовка, а я вскочила. Кое-как просочившись мимо Ленки, распахнула дверь, стараясь ударить посильнее, чтобы ночной дятел улетел с крыльца и не успел убежать.

Тряпка. Грязнёнькая, чьи-то бывшие штаны, о которые теперь все вытирают ноги. Но не они же стучали! Я не поленилась — вышла, сделала несколько шагов в ночь. В лагере никогда не бывает темно по-настоящему — везде, где можно, висят фонарики, я прекрасно всё видела метров на сто вперёд. Шутничок, конечно, мог спрятаться в баскетбольной коробке: наверное, успел бы добежать... Но проще обежать корпус и спрятаться за углом. Я прошлась вдоль корпуса, заглянула за угол, прокралась вдоль глухого торца, где нет окон, и опять завернула за угол, оказавшись с другой стороны корпуса. Представила, как невидимый шутничок бежит от меня вокруг дома, успевая завернуть за угол раньше, чем я загляну. В эту игру можно играть до утра. Нет уж, дудки! Я спать хочу! Обошла весь корпус, вернулась в нашу комнатушку и под ворчание Ленки зажгла маленький свет.

— Кто там?

— Всё так же не имею понятия. — Полезла в тумбочку за коробкой с нитками-иглками. Больше здесь

подошло бы ведро с зелёной, но я всё-таки помощник воспитателя, надо держаться солиднее...

Нашла самую толстую нитку, натянула на крыльце, так, чтобы она не попала в свет фонаря, поставила пластиковый тазик с водой у самой двери (металлический, конечно, лучше, потому что гроыхает здорово, ну уж что было, то и поставила). Села к окну и затаилась. Сейчас посмотрим, кому не спится!

* * *

Разбудила меня Сашка. Подошла, тихонько толкнула, но мне хватило, чтобы подскочить на стуле:

— Ты чего? Живо спать!

— ...А у вас там медведь. — Сашка кивнула на окно.

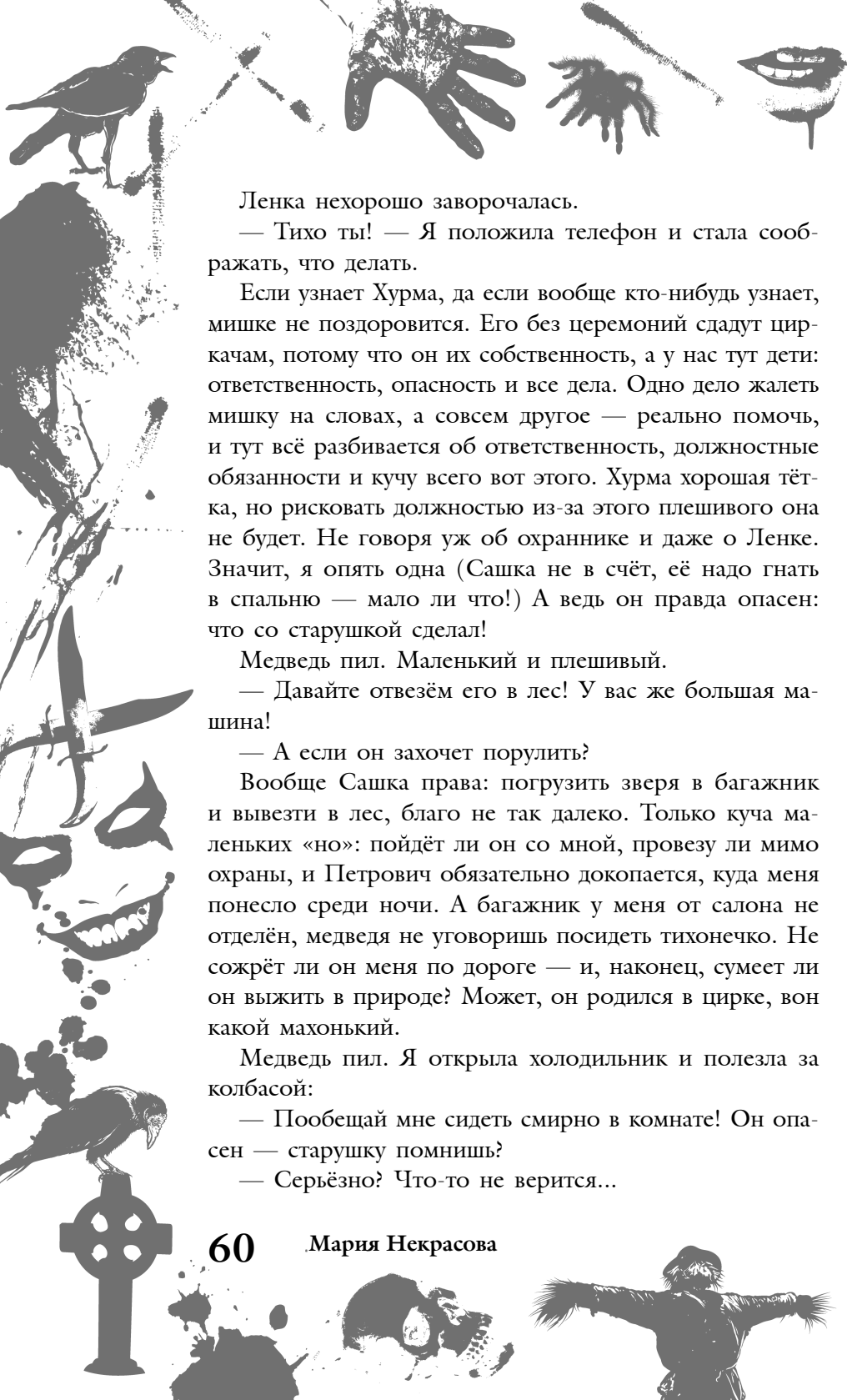
Сперва я даже не поняла, что за шевеление такое в свете фонаря. Низко, на самых ступеньках блеснула вроде голова: волосы, розовая плешь... Да разве это медведь?! На четвереньках оно поднялось по лестнице, сунуло морду в мой тазик, чтобы попить, — и тут фонарь осветил его целиком.

Махонький, ниже колена, с проплешинами тут и там. В наморднике. Из сомкнутой пасти высунулся розовый язык и стал торопливо хлебать воду из тазика. Я мысленно согласилась с Сашкой: пусть все эти циркачи-дрессировщики в другой жизни станут черепахами. Чтобы прям позвоночник наружу! Позвоночник-то позвоночник — а что теперь делать? Медведь пил.

Я схватилась за телефон, но Сашка повисла на моей руке.

— Не звоните никуда, его заберут обратно в цирк! — она пыталась шептать, чтобы не разбудить Ленку, но выходило не очень.

Ленка нехорошо заворочалась.

— Тихо ты! — Я положила телефон и стала сообщать, что делать.

Если узнает Хурма, да если вообще кто-нибудь узнает, мишке не поздоровится. Его без церемоний сдадут циркачам, потому что он их собственность, а у нас тут дети: ответственность, опасность и все дела. Одно дело жалеть мишку на словах, а совсем другое — реально помочь, и тут всё разбивается об ответственность, должностные обязанности и кучу всего вот этого. Хурма хорошая тётка, но рисковать должностью из-за этого плешивого она не будет. Не говоря уж об охраннике и даже о Ленке. Значит, я опять одна (Сашка не в счёт, её надо гнать в спальню — мало ли что!) А ведь он правда опасен: что со старушкой сделал!

Медведь пил. Маленький и плешивый.

— Давайте отвезём его в лес! У вас же большая машина!

— А если он захочет порулить?

Вообще Сашка права: погрузить зверя в багажник и вывезти в лес, благо не так далеко. Только куча маленьких «но»: пойдёт ли он со мной, провезу ли мимо охраны, и Петрович обязательно докопается, куда меня понесло среди ночи. А багажник у меня от салона не отделён, медведя не уговоришь посидеть тихонечко. Не сожрёт ли он меня по дороге — и, наконец, сумеет ли он выжить в природе? Может, он родился в цирке, вон какой махонький.

Медведь пил. Я открыла холодильник и полезла за колбасой:

— Пообещай мне сидеть смирно в комнате! Он опасен — старушку помнишь?

— Серьёзно? Что-то не верится...

— Цыц!

Сашка стащила из-под ножа кругляш колбасы и смиренно уселась на мою кровать. Лена угрожающе всхрипнула, но не проснулась.

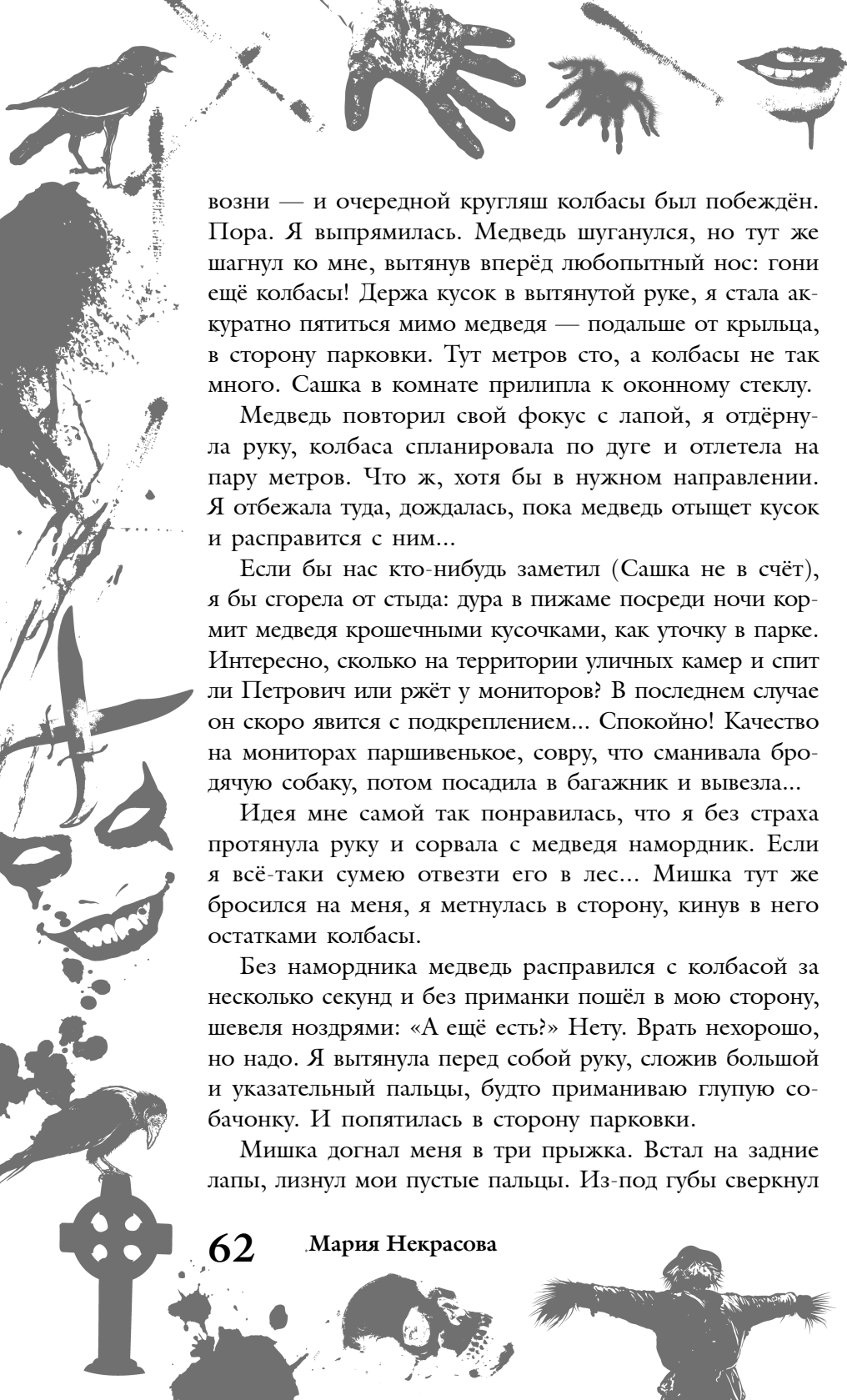
* * *

Первые два кругляша я просунула под дверь, чтобы медведь не сразу меня испугался. Вряд ли он хорошего мнения о людях, так что лучше не рисковать. Я не видела, как он ел, могла только гадать: справился ли он с предыдущим куском, и взял ли его вообще. На третьем куске я решилась чуть приотворить дверь. Она открывается наружу, поэтому первым делом я опрокинула свой же тазик, и он с грохотом покатился по крыльцу. Хорошо, что нет металлического, тогда бы Ленка точно проснулась! Медведь отпрянул в темноту, я вышла, показала Сашке кулак на прощание и быстренько прикрыла за собой дверь.

Медведь сидел под крыльцом, глядя на меня ошарашенными глазами. Я оставалась на корточках, чтобы не пугать его полным ростом, тихонько бросила ему ещё кусок колбасы. Не сводя с меня настороженных глаз, он протянул морду, понюхал — и слизал.

Жрать в наморднике не очень-то удобно. Минуты три я ждала, пока он расправится с колбасой: она то и дело выскальзывала на крыльцо, он слизывал, и всё начиналось сначала. Но от куска убывало по чуть-чуть с каждым разом — значит, он всё-таки ел. Потихоньку я протянула руку — и чуть не получила по ней когтистой лапой: вовремя отдернула. Когти были длиной с мой палец: вот тебе и бедная зверюшка. За четвёртым куском он уже подошёл. Ещё три минуты

возни — и очередной кругляш колбасы был побеждён. Пора. Я выпрямилась. Медведь шуганулся, но тут же шагнул ко мне, вытянув вперёд любопытный нос: гони ещё колбасы! Держа кусок в вытянутой руке, я стала аккуратно пятиться мимо медведя — подальше от крыльца, в сторону парковки. Тут метров сто, а колбасы не так много. Сашка в комнате прилипла к оконному стеклу.

Медведь повторил свой фокус с лапой, я отдернула руку, колбаса спланировала по дуге и отлетела на пару метров. Что ж, хотя бы в нужном направлении. Я отбежала туда, дождалась, пока медведь отыщёт кусок и расправится с ним...

Если бы нас кто-нибудь заметил (Сашка не в счёт), я бы стореала от стыда: дура в пижаме посреди ночи кормит медведя крошечными кусочками, как уточку в парке. Интересно, сколько на территории уличных камер и спит ли Петрович или ржёт у мониторов? В последнем случае он скоро явится с подкреплением... Спокойно! Качество на мониторах паршивенькое, совру, что сманивала бродячую собаку, потом посадила в багажник и вывезла...

Идея мне самой так понравилась, что я без страха протянула руку и сорвала с медведя намордник. Если я всё-таки сумею отвезти его в лес... Мишка тут же бросился на меня, я метнулась в сторону, кинув в него остатками колбасы.

Без намордника медведь расправился с колбасой за несколько секунд и без приманки пошёл в мою сторону, шевеля ноздрями: «А ещё есть?» Нету. Врать нехорошо, но надо. Я вытянула перед собой руку, сложив большой и указательный пальцы, будто приманиваю глупую собачонку. И попятилась в сторону парковки.

Мишка догнал меня в три прыжка. Встал на задние лапы, лизнул мои пустые пальцы. Из-под губы сверкнул

кlyчok размером с фалангу пальца, я успела убрать руки за спину и отпрыгнуть назад. Мишка опустился на четвереньки, потянул носом в мою сторону: ох сейчас всыплет кому-то за обман! Но он отвернулся и побежал рысью обратно в сторону корпуса.

— Эй, куда?!

На секунду он исчез в темноте, чтобы тут же вынырнуть на самокате и шустро вырулить на дорожку. Я подумала, что он помашет мне лапой, но медведь сосредоточенно отталкивался задней, уезжая всё дальше от корпуса, от парковки... Я побежала за ним, слабо соображая, что буду делать, если правда догоню. Ехал он небыстро, и уже у баскетбольной коробки мы поровнялись. А дальше что? Мишка уверенно рулил к корпусу администрации. За спиной громко хлопнула дверь: Сашка, убью!..

У корпуса администрации камер как грязи и за собачку медведя на самокате уже никто не примет. Хорошая новость — ночью там никого, кроме Иваныча, который ночует сегодня в кабинете Хурмы. У самого корпуса нас и догнала Сашка.

— Давай назад! — Из головы не шла убитая старушка.

— Ну Ляльвгенья!

Медведь спешился и повторил фокус с ночным хулиганом: постучал в окно, отбежал в темноту. Интересно, этому его тоже в цирке научили?

Из корпуса между тем послышалось бодрое:

— Иду! — И часто-часто зашаркали шаги.

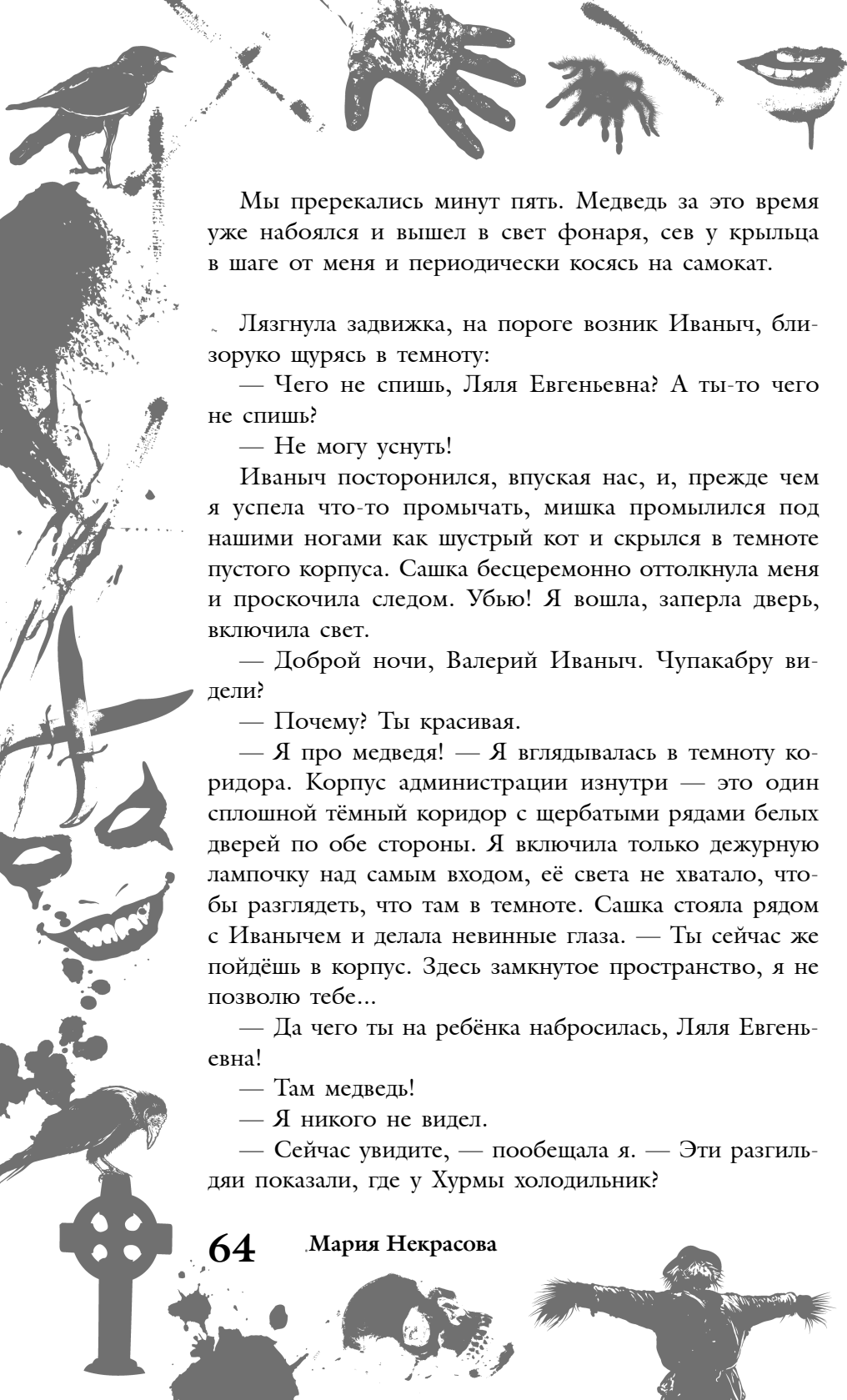
Иваныч. Не спится ему. А мы тут с визитом.

— Сашка, брысь по-хорошему!

— Это мы, Валерий Иваныч!

— Саша!

Мы пререкались минут пять. Медведь за это время уже набоялся и вышел в свет фонаря, сев у крыльца в шаге от меня и периодически косясь на самокат.

Лязгнула задвижка, на пороге возник Иваныч, близоруко шурясь в темноту:

— Чего не спишь, Ляля Евгеньевна? А ты-то чего не спишь?

— Не могу уснуть!

Иваныч посторонился, впуская нас, и, прежде чем я успела что-то промычать, мишка промылился под нашими ногами как шустрый кот и скрылся в темноте пустого корпуса. Сашка бесцеремонно оттолкнула меня и проскочила следом. Убью! Я вошла, заперла дверь, включила свет.

— Доброй ночи, Валерий Иваныч. Чупакабру видели?

— Почему? Ты красивая.

— Я про медведя! — Я вглядывалась в темноту коридора. Корпус администрации изнутри — это один сплошной тёмный коридор с щербатыми рядами белых дверей по обе стороны. Я включила только дежурную лампочку над самым входом, её света не хватало, чтобы разглядеть, что там в темноте. Сашка стояла рядом с Иванычем и делала невинные глаза. — Ты сейчас же пойдёшь в корпус. Здесь замкнутое пространство, я не позволю тебе...

— Да чего ты на ребёнка набросилась, Ляля Евгеньевна!

— Там медведь!

— Я никого не видел.

— Сейчас увидите, — пообещала я. — Эти разгильдяи показали, где у Хурмы холодильник?

Иваныч закивал, я шагнула в коридор и стала шарить на стене выключатель.

— Перегорела лампочка, — услужливо откликнулся Иваныч, когда я уже впусую щёлкала клавишей. — А мы правда медведя ловить пойдём? Давно я так интересно не жил!

— Не то слово! Главное — не наступить на него... Саша, ты ещё здесь?!

— Ну Ляля Евгеньевна!

— Так она хотя бы с нами, — вступился Иваныч.

У меня уже сил не было с ними спорить.

Ощупывая стены и скользя ногами по полу, как на коньках, я потихоньку двинулась по коридору, прикрывая на Сашку, чтобы держалась в хвосте. Иваныч хихикал, дурак старый, и делал то же самое — только со своей стариковской скоростью и шарканьем.

— Почему коляску не взяли?

— Прогуляться охота. Бессонница, я бродил-бродил... Хорошо, что вы пришли, сейчас чайку...

— Валерий Иваныч, какой чаёк — медведь в корпусе!

— Да где же?

— Сейчас найдём.

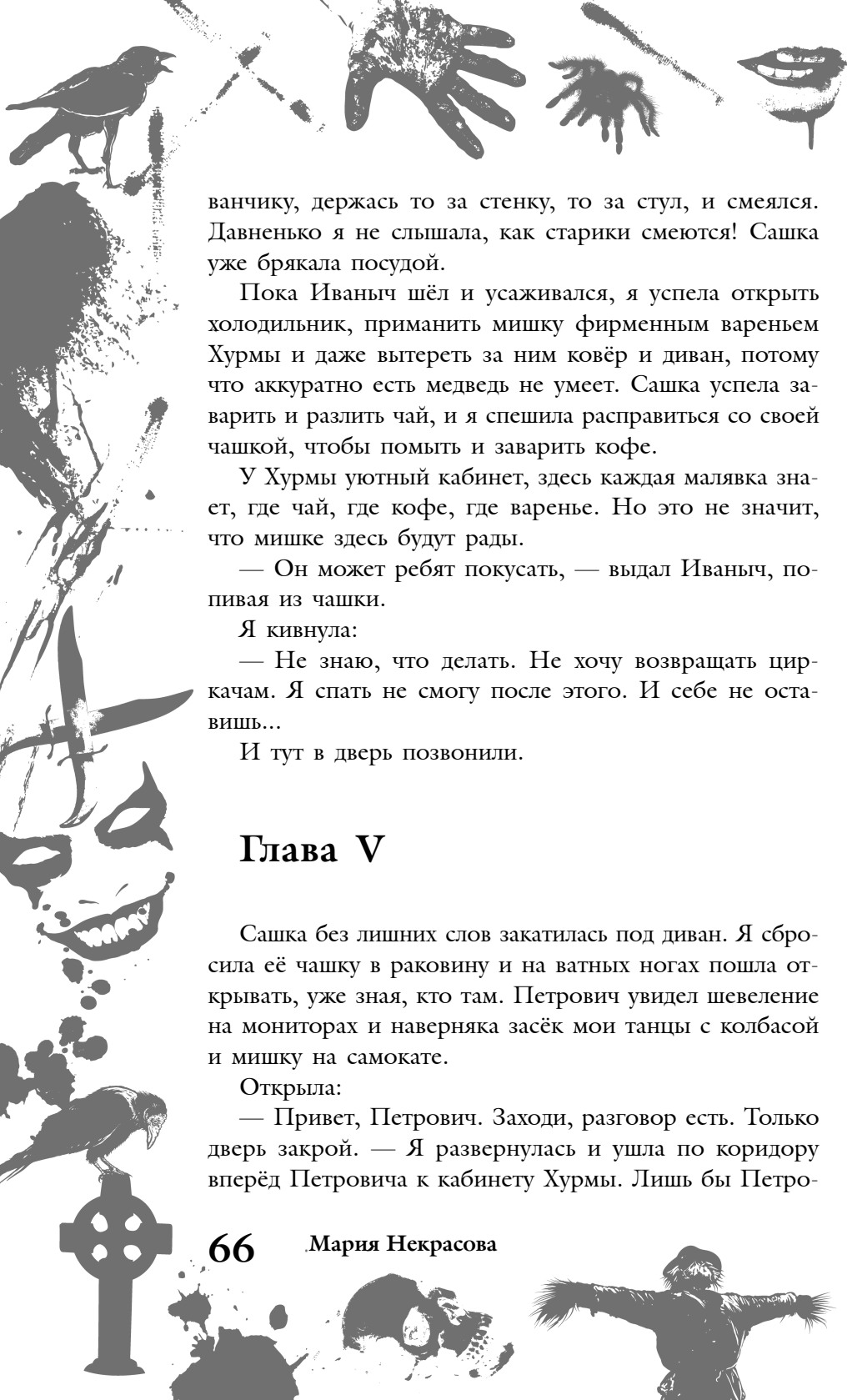
Первая дверь — кабинет Хурмы, я толкнула её и озарила коридор маленьким светом настольной лампочки. Дед хорошо устроился на диванчике у окна: плед, подушка, раскрытая книга корешком вверх — названия, стоя в дверях, я не видела. А медведь у моих ног тянул носом в сторону комнаты.

— Опа! — Иваныч заметил медведя. — Я думал, ты шутишь! А погладить его можно?

— Не советую.

Я вкратце рассказала о нашей возне у корпуса. Иваныч всё это время пробирался в комнату к своему ди-

ванчику, держась то за стенку, то за стул, и смеялся. Давненько я не слышала, как старики смеются! Сашка уже брякала посудой.

Пока Иваныч шёл и усаживался, я успела открыть холодильник, приманить мишку фирменным вареньем Хурмы и даже вытереть за ним ковёр и диван, потому что аккуратно есть медведь не умеет. Сашка успела заварить и разлить чай, и я спешила расправиться со своей чашкой, чтобы помыть и заварить кофе.

У Хурмы уютный кабинет, здесь каждая малявка знает, где чай, где кофе, где варенье. Но это не значит, что мишке здесь будут рады.

— Он может ребят покусать, — выдал Иваныч, попивая из чашки.

Я кивнула:

— Не знаю, что делать. Не хочу возвращать циркачам. Я спать не смогу после этого. И себе не оставишь...

И тут в дверь позвонили.

Глава V

Сашка без лишних слов закатилась под диван. Я сбросила её чашку в раковину и на ватных ногах пошла открывать, уже зная, кто там. Петрович увидел шевеление на мониторах и наверняка засёк мои танцы с колбасой и мишку на самокате.

Открыла:

— Привет, Петрович. Заходи, разговор есть. Только дверь закрой. — Я развернулась и ушла по коридору вперёд Петровича к кабинету Хурмы. Лишь бы Петро-

вич прошёл, не крикнул мне что-нибудь в спину, не возражал — это сейчас очень важно.

За спиной лягнул засов — отлично, — и охранник тяжело протопал за мной в своих убойных военных ботинках. Слышать это было неудобно.

Я открыла кабинет Хурмы, вошла, села за её стол, кивнула Петровичу на стульчик напротив, где обычно отдуваются провинившиеся подростки. Только Петрович этого жеста не заметил. Он вошёл и с порога уставился на медведя, который сидел в ногах у деда и приканчивал очередную банку варенья. Иваныч понял его замешательство по-своему:

— Заходите, не стесняйтесь! У нас тут междусобойчик. Хотите чаю?

Бедный охранник мог только кивнуть. Пришлось встать, делать успокоительный чай, копать в шкафчиках Хурмы в поисках успокоительных конфет. Иваныч, который сидел ближе к холодильнику, нашёл даже успокоительный лимон.

Охранник сидел за столом поджав ноги (мишка был в шаге от него), вцепившись двумя руками в кружку с чаем, и шумно хлебал, не сводя глаз с медведя. Глаза у него были совершенно шальные.

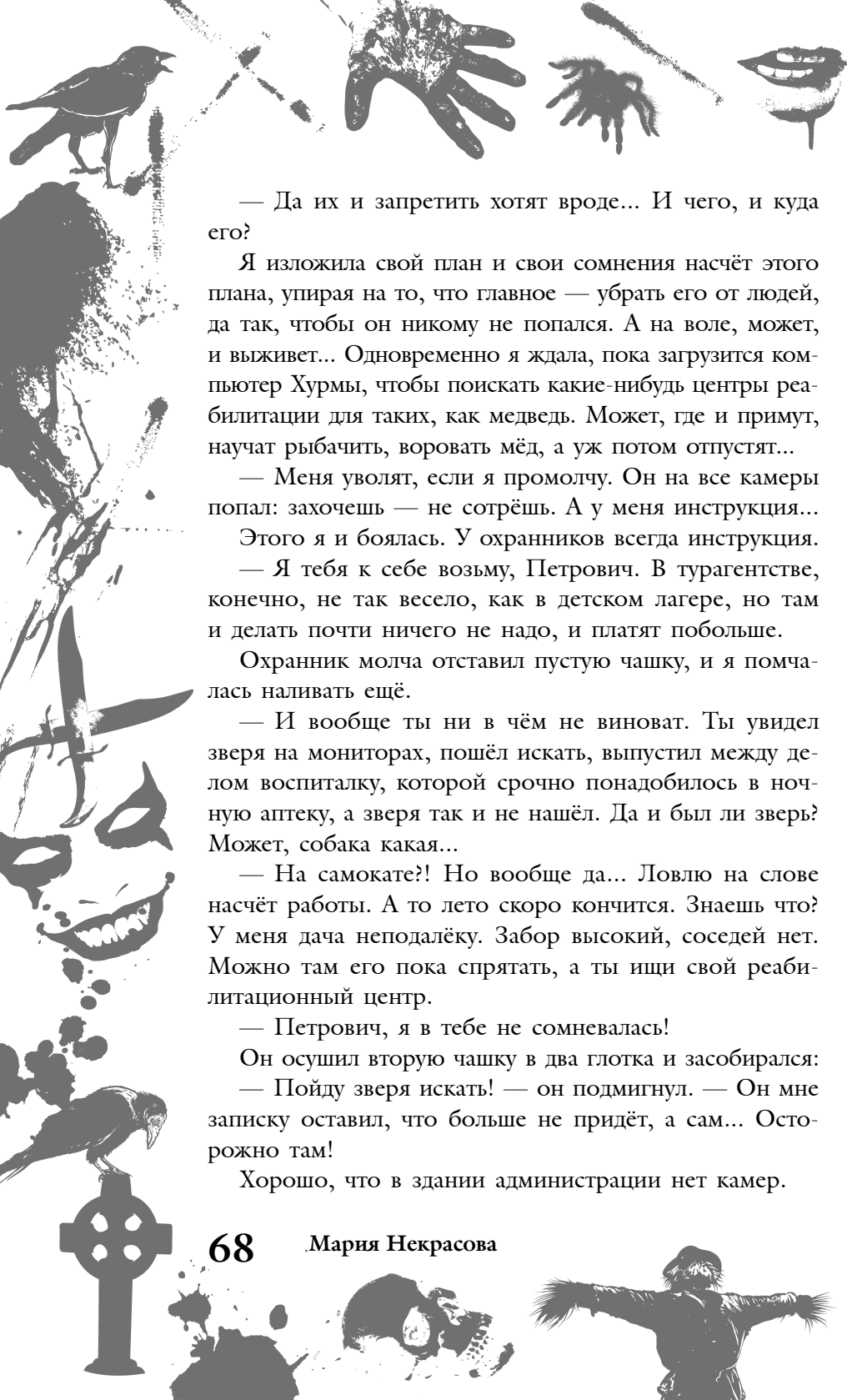
— Так это правда медведь?

— Ну да, а кто же! — вместе выдали мы с Иванычем.

— Я на мониторах видел, но сам себе не поверил. Вроде вечером прогнали, а он опять... И так тихо сидит...

— Обожрался! — хихикнул Иваныч, глядя, как мишка уютно укладывается на ковре. — Сейчас ещё и храпит. — Он посерьёзней и сказал, глядя прямо на охранника: — Нельзя ему в цирк. Смотри, какой замученный.

— Да их и запретить хотят вроде... И чего, и куда его?

Я изложила свой план и свои сомнения насчёт этого плана, упирая на то, что главное — убрать его от людей, да так, чтобы он никому не попался. А на воле, может, и выживет... Одновременно я ждала, пока загрузится компьютер Хурмы, чтобы поискать какие-нибудь центры реабилитации для таких, как медведь. Может, где и примут, научат рыбачить, воровать мёд, а уж потом отпустят...

— Меня уволят, если я промолчу. Он на все камеры попал: захочешь — не сотрёшь. А у меня инструкция... Этого я и боялась. У охранников всегда инструкция.

— Я тебя к себе возьму, Петрович. В турагентстве, конечно, не так весело, как в детском лагере, но там и делать почти ничего не надо, и платят побольше.

Охранник молча отставил пустую чашку, и я помчалась наливать ещё.

— И вообще ты ни в чём не виноват. Ты увидел зверя на мониторах, пошёл искать, выпустил между делом воспиталку, которой срочно понадобилось в ночную аптеку, а зверя так и не нашёл. Да и был ли зверь? Может, собака какая...

— На самокате?! Но вообще да... Ловлю на слове насчёт работы. А то лето скоро кончится. Знаешь что? У меня дача неподалёку. Забор высокий, соседей нет. Можно там его пока спрятать, а ты ищи свой реабилитационный центр.

— Петрович, я в тебе не сомневалась!

Он осушил вторую чашку в два глотка и засобирался:

— Пойду зверя искать! — он подмигнул. — Он мне записку оставил, что больше не придёт, а сам... Осторожно там!

Хорошо, что в здании администрации нет камер.

* * *

Я проводила Петровича и бессильно плюхнулась на стул. Сашка вылезла из-под дивана, пыльная, но довольная и навёрстывала упущенные возможности у вазочки с конфетами. Медведь дрыхнул, свернувшись на ковре как кошка.

— Саш, давай в свою палату! Я удивляюсь, что Петрович про тебя не спросил. Хочешь, чтобы меня уволили?!

— Так я камеры-то обходила, Ляля Евгеньевна! Он и не заметил!

— Хитрюга, — Иваныч заговорщицки подмигнул.

— Умею-могу...

Старик близоруко осматривал комнату, будто что-то искал:

— Моя ребёнком любила прятаться в огромную коробку из-под телевизора. Я её хранил, там гарантия...

— Они теперь плоские, Иваныч. Да и как я туда медведя засуну?

— Кресло моё возьми!

— Да ну, не сядет!

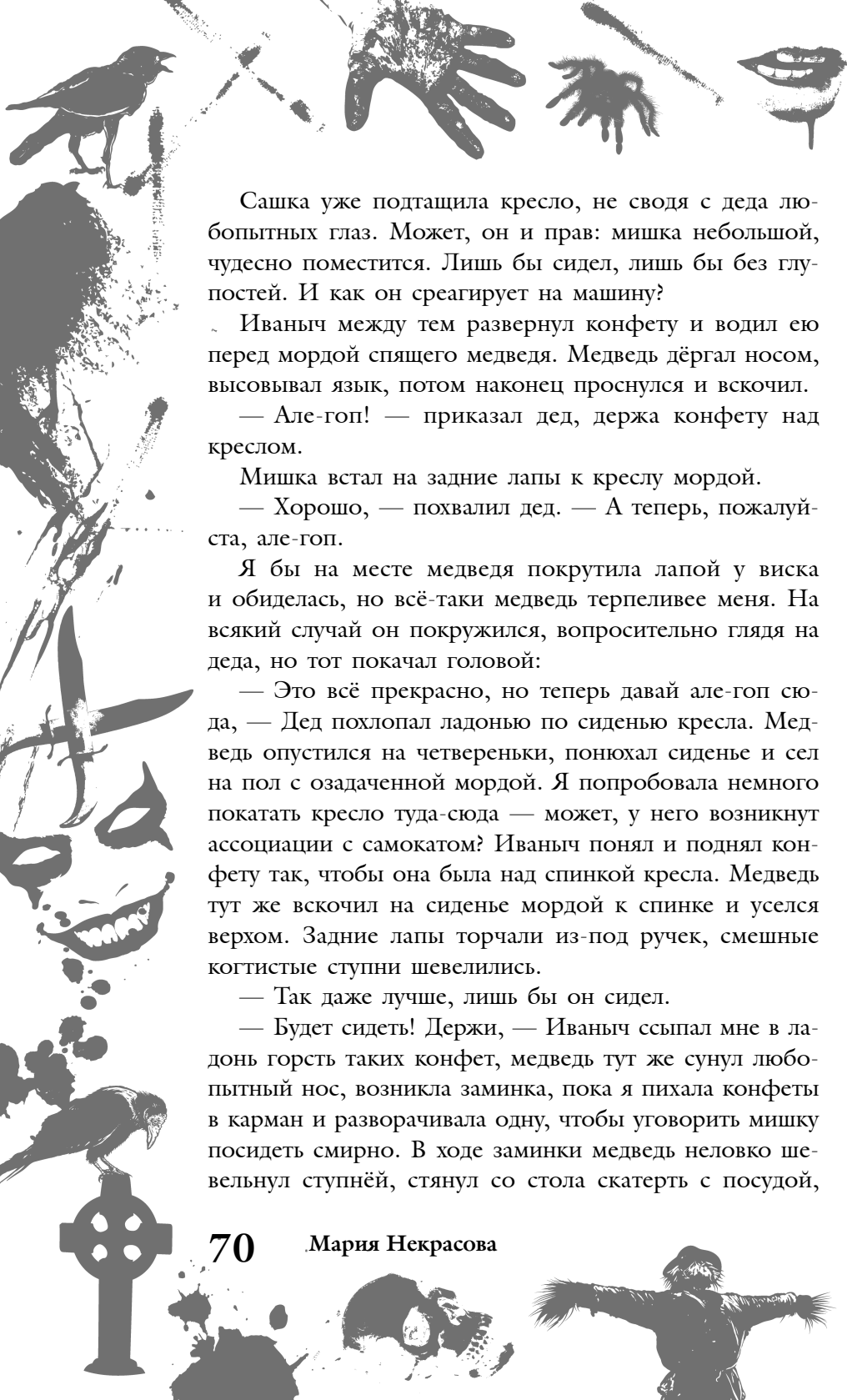
— А ты попробуй! Он цирковой или нет? Бурый на чёрном, панамку нацепила, пледиком накрыла — ни одна камера не разберёт, кто там у тебя едет.

— С вами нескучно!

Иваныч уже стоял на ногах и рылся в отобранной у Сашки вазочке с конфетами. Каждую брал в руки, рассматривал, близоруко щурясь, откладывая на стол... Когда образовалось две пригоршни — одна разномастная, другая одного сорта, — сгрёб вторую в ладонь:

— Вот эти ему больше всего по душе. Ну-ка, где моё кресло?

Сашка уже подтащила кресло, не сводя с деда любопытных глаз. Может, он и прав: мишка небольшой, чудесно поместится. Лишь бы сидел, лишь бы без глупостей. И как он среагирует на машину?

Иваныч между тем развернул конфету и водил ею перед мордой спящего медведя. Медведь дёргал носом, высовывал язык, потом наконец проснулся и вскочил.

— Але-гоп! — приказал дед, держа конфету над креслом.

Мишка встал на задние лапы к креслу мордой.

— Хорошо, — похвалил дед. — А теперь, пожалуйста, але-гоп.

Я бы на месте медведя покрутила лапой у виска и обиделась, но всё-таки медведь терпеливее меня. На всякий случай он покружился, вопросительно глядя на деда, но тот покачал головой:

— Это всё прекрасно, но теперь давай але-гоп сюда, — Дед похлопал ладонью по сиденью кресла. Медведь опустился на четвереньки, понюхал сиденье и сел на пол с озадаченной мордой. Я попробовала немного поката́ть кресло туда-сюда — может, у него возникнут ассоциации с самокатом? Иваныч понял и поднял конфету так, чтобы она была над спинкой кресла. Медведь тут же вскочил на сиденье мордой к спинке и уселся верхом. Задние лапы торчали из-под ручек, смешные когтистые ступни шевелились.

— Так даже лучше, лишь бы он сидел.

— Будет сидеть! Держи, — Иваныч ссыпал мне в ладонь горсть таких конфет, медведь тут же сунул любопытный нос, возникла заминка, пока я пихала конфеты в карман и разворачивала одну, чтобы уговорить мишку посидеть смирно. В ходе заминки медведь неловко шевельнул ступнёй, стянул со стола скатерть с посудой,